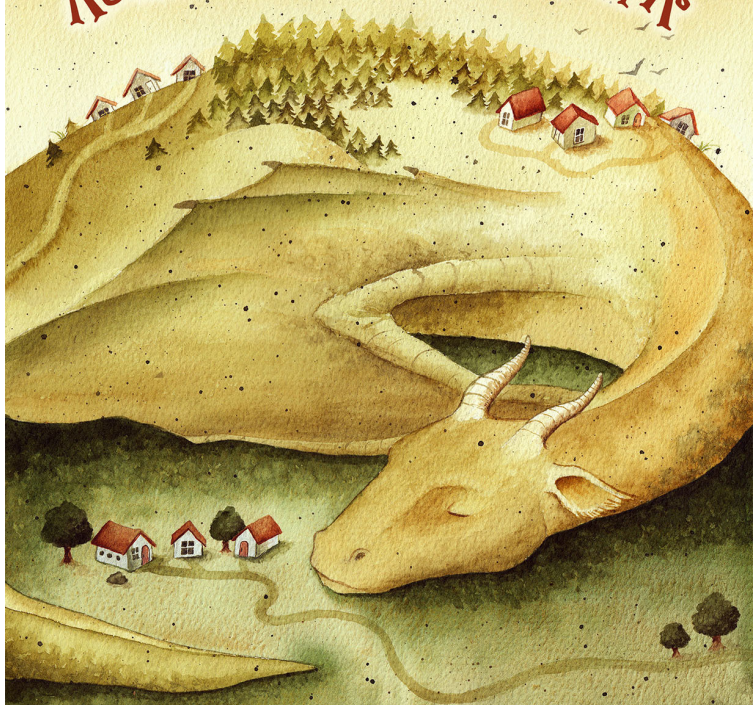

Надея
Ясминска

НА СПИНЕ
ЛОСКУТЯГО ДРАКОНА

Надея Ясминска

На спине лоскутного дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20099130

Аннотация

Когда берешь в руки новую книгу, то словно на миг застываешь перед бумажным тайником. Что там, под обложкой? Быть может, длинные бусы – целый роман, где есть завязка, развитие и логический конец. А может, отдельные бусины, которые хочется повертеть в пальцах и рассмотреть на солнце, – миниатюры, маленькие рассказы.

Рассказы в этом тайнике сшиты друг с другом крепкой нитью, поскольку принадлежат одному миру – Эрминтии. Миру, где люди когда-то верили, что живут на спине исполинского дракона. И если подняться высоко-высоко, то можно увидеть, что дракон этот не чешуйчатый, а будто лоскутный: бархат леса, атлас озера, холст полей... И так же, как цвета, в нем переплетены чувства.

Сборник фэнтези-рассказов и миниатюр о волшебном мире для взрослых читателей, время от времени ныряющих в иную реальность.

НАДЕЯ ЯСМИНСКА

НА СПИНЕ ЛОСКУТНОГО ДРАКОНА

Фэнтези-рассказы и миниатюры.

* * *

Когда берешь в руки новую книгу, то словно на миг застываешь перед бумажным тайником. Что там, под обложкой? Быть может, длинные бусы – целый роман, где есть завязка, развитие и логический конец. А может, отдельные бусины, которые хочется повертеть в пальцах и рассмотреть на солнце, – маленькие рассказы, миниатюры.

Последние, бывает, начинаются внезапно и точно так же обрываются. Это нырок: задержал дыхание, прыгнул, открыл глаза и вынырнул. Это примерка шляпы из старого сундука: надел, глянул в зеркало и спрятал обратно. Как писал один книжный маг, рассказ подобен окошку в чужой мир, чужой ум, чужой сон. А сборник рассказов хорош тем, что это не ухоженный сад, а горное разнотравье: не понравился один цветок – сделай шаг, переверни страницу, и вот у тебя в руках совсем другой.

И все же рассказы в этом тайнике сшиты друг с другом крепкой нитью, поскольку принадлежат одному миру – Эрминтии. Миру, где люди когда-то верили, что живут на спи-

не исполинского дракона. И если подняться высоко-высоко, то можно увидеть, что дракон этот не чешуйчатый, а будто лоскутный: бархат леса, атлас озера, холст полей... И так же, как цвета, в нем переплетены чувства: тут вспыхнет счастье, там промелькнет боль, где-то встопорщится ненависть, где-то появится надежда.

Когда-нибудь огромный зверь проснется и стряхнет со своей шкуры все ненужное. Но пока он спит. И можно приоткрыть окошко.

ТРОЛЬ КОГДА-ТО УКУСИЛ

Югр медленно брел по дороге, надвинув старую шляпу на самые глаза. Лужи, попадавшие на пути, внимательно обходил – берег сапоги. Он почти вышел из деревни, когда к нему привязался мальчишка.

– Дяденька мельник, а куда вы идете?

– В Лес, – немного помолчав, ответил Югр.

Глаза мальчика изумленно распахнулись.

– Что же – в сам Лес? И не боитесь? Там, говорят... А зачем вам туда надо, дров принести? – Все еще круглые глазенки шарили по его спине, пытаясь отыскать топор. Топора не оказалось, но паренек все равно добавил: – Дрова у моего отца купить можно.

– Я просто хочу побродить.

Будь у Югра вместо шляпы сверкающая корона, она не

вызвала бы такого восхищения, как эти слова. Подумать только, идти в Миралингес, Древний Лес – «просто побродить»! Мальчишка засеменял рядом, стараясь попадать в шаг. Он долго решался и, наконец, выпалил:

– А мне с вами можно?

– Ялмар! – раздался резкий выкрик из соседнего дома. Старая пряжа продавала свое тело сквозь узкую дверь и спустилась во двор. Деревянные ступеньки жалобно хныкали под ее ногами. – Не приставай к человеку! Иди сюда!

Паренек с явным сожалением шагнул назад – ведь мыслими он был уже в Лесу. Но послушаться не посмел и потому побежал к бабке, сверкая голыми пятками. А Югр прошел до самого поля, сел на пожелтевшую кучу вершков редьки и закурил. Ему нравилось вот так курить трубку и слегка раскачиваться. До него доносился скрипучий голос пряжи. Она-то думала, что ее не слышно, но чуткий слух Югра ловил каждое слово.

– Не лезь к мельнику, Ялмар, слышишь? У него не все дома. Ходит в свой Лес – ну и пусть! Допрыгался однажды. Ты его кожу видел? Троль как-то укусил, года три тому. Вот беда лагу и разнесло. Подцепил, видать, тролльскую болячку...

Югр задумчиво выбил трубку о камень.

– Хотя... что ни делается, то к лучшему, – продолжила старуха, обращаясь скорее к себе, чем к внуку. – После того случая он стал другим человеком. Перестал жену поколачивать, с ребяташками начал возиться. Присмирел, так к его

виду и привыкать стали... Эй, поганец, что ж ты морковку под моим носом дергаешь? Немедленно в дом, и только вы-сунься!

Ялмар, схваченный за ухо, издал протестующий вопль. Снова простонали ступеньки, хлопнула дверь, и деревня погрузилась в мерные звуки косьбы и куриного квохтанья.

Посидев еще чуть-чуть, Югр стряхнул пепел со штанов, поднялся и направился в сторону Леса.

Нет, не три, а четыре года назад – он прекрасно помнил тот день. Когда верзила-крестьянин полез на него с рогатиной – так, от скуки и нехватки ума. Мясо того человека было жестким, а вот одежда пришлась в самый раз. Особенно сапоги – толстые, добротные. Тогда Югр подумал, что устал от одиночества. Он вернулся из леса больным мельником по имени Эрвим, освоил работу и быт. И никто не догадывался – кроме, пожалуй, жены. Она все поняла, но ни разу не обмолвилась об этом.

Только Лес не отпускал. Шептал на ухо, манил. А Югр покорно навещал его, словно старого родителя. И сейчас тролль снова шел к нему – просто так, «побродить» – оставляя на дороге глубокие следы.

КОТ И БАШМАЧНИК

Гвим по прозвищу Долголап, давний староста деревеньки Замхи, удобно вытянулся в кресле и поднес к губам стопку с

вишневой настойкой – как раз в тот момент, когда мир явил ему свое несовершенство в виде досадного стука в дверь. Долголап поморщился и спрятал стопку под стол. Потом подумал и убрал с глаз долой весь графин.

– Войдите! – распорядился он.

Но, в общем-то, его разрешение было ни к чему: дверь уже распахнулась, и в комнату вкатилась, на первый взгляд, пара перезрелых головок сыра, а на второй – две женщины, весьма схожие между собой: в годах, с желтоватой кожей и угрюмо поджатыми губами. Разве что первая была постарше, а вторая – потолще. Сами гости свою схожесть не признавали, ибо люто ненавидели друг друга. И если бы не общая беда, они бы даже побрезговали справить нужду на одном и том же поле.

– Ну? – с легкой усталостью спросил староста. Эта парочка уже навевалась к нему с «делом о сгнувшем башмачнике» – так он окрестил его про себя. Мужичок однажды ушел из дома и не вернулся: скорее всего, попал в лапы медведю, троллю или утоп в болоте. Прошел месяц, другой, и все уж забыли о бедняге Ильве, но только не его жена и сестра. Они твердо верили, что их дражайший супруг и брат во все не пропал, а где-то укрылся, чтобы им досадить.

– Ну? – нетерпеливо повторил Гвим, краем уха уловив какое-то шевеление за спинами достойных дам.

– Вот! – выпалила та, что постарше, и сунула старосте под нос тощего облезлого кота. Кот уныло висел, схваченный за

шкирку, и даже не думал вырваться.

Долголап закатил глаза.

– Ну сколько можно, бабоньки? Мы же с вами условились...

– Да ты взгляни на него, дубина! – огрызнулась та, что потолще, нисколько не смущаясь старостецких чинов и нашивок. – Зубом клянусь, это мой муженек! Вот ухо, видишь ухо? Левое причем, а не какое-то! Такое же куцее, как у моего Ильва, чтоб его троллиха на себе женила! – И для пущего убеждения встряхнула кота, который жалобно заворчал и прижал уши к голове.

«Так уже женила», – подумал Гвим, а вслух усмехнулся:

– У меня кобыла – тоже полуушка. Что же, и ее сюда притащим?

– Это еще не все, – обиделась сестра. – Есть доказательство.

– Какое?

– Морда!

– А что с мордой?

– Не видите разве? Она же наглая!

– Да уж, для обычных котов это редкость.

– Ну конечно, не веришь, – процедила жена. – Сидишь тут развалясь, и ни до кого тебе дела нет. Говорю же я, что этот хвостатый паскудник – мой муж! Он сам мне по пьяни обмолвился, что в молодости какими-то чарами шалил и мог превратиться в кого угодно. Ловишь, нет? В кого угодно,

хоть в крыса, хоть в ката. И сделал это, чтобы меня уесть. Показать, какая я была дура, что ему поверила. Отдала лучшие годы...

– А я его малого ягодами кормила, – вдруг тонко проскулила сестра. – Себя обделяла, а его кормила!

– ...ведь могла же за сапожника замуж выйти. Не просто за башмачника, а за сапожника!..

– ...дом свой обещал оставить, когда новый себе заделает! Я уже и так и эдак намекала ему: поскорее бы...

– ...работала, не разгибая спины, а он что? Где благодарность?

– ...тогда решила, что хоть поживу у него, все-таки старших по крови уважать надо...

Голоса женщин – резкие, лающие выкрики одной и жалобные подвывания другой – словно скрутились в спутанный незримый клубок, в центре которого трясся на мощной руке несчастный кот, работающий восклицательным знаком в каждой фразе. Староста потер виски и постарался расслабиться, вытянув ноги. Под столом призывно звякнул графин.

– А ну, прекратить балаган! – неожиданно даже для самого себя рявкнул Гвим. – Идите-ка вы домой. Сгинул ваш Ильв, неужто не ясно? Сгинул – и всё! Если он был таким хорошим магом и мог обратиться и в ката, и в крыса, то что он в наших Замхах забыл? Да еще и башмачником! Бредни какие-то... А животинку тут оставьте, не то вконец затюкаете.

Сестра выпустила кота, пинком отправила его в угол и вышла, хлопнув дверь. Но жена уходить не спешила. Она дождалась скрипа калитки, потом наклонилась к старосте и прошипела ему прямо в лицо:

– Что ж ты из себя дурня корчишь? Я же просила тебя. вытряси из Ильва, куда он спрятал деньги. При живой жене откладывать вздумал! Хоть в темницу его кинь – но выведай. Я бы в долгу не осталась. А Ильв... купил он тебя, верховода недоделанного! Ну, отвечай, где он? И золото где?

– Эй, бабеха, ты что себе позволяешь? – стукнул кулаком по столу Гвим и ощутил доселе неведомое, но весьма приятное чувство. – Смотри, как бы тебе самой в темнице не оказаться. Знать я тебя не знаю, и никаких дел у меня с тобой нет. Иди давай, пока бока без пятен!

Жена башмачника сжала зубы и вспыхнула ярким свекольным румянцем. Ее огромная нога высунулась из-под юбки в поисках жертвы, но кот, еще больше облезший от страха, благоразумно спрятался под дубовый стул. Поэтому удар пришелся по ножке стула, а затем женщина выскочила из комнаты, едва не снеся плечом полкосяка.

Золовка, видимо, ждала ее во дворе, потому что за окном какое-то время слышались приглушенные ругательства, словно они на ходу перекидывались мячом из чертополоха. Потом наконец-то наступила тишина – только время от времени раздавалось привычное фырканье лошадей и скрип старых телег.

Староста вздохнул, выволок кота из-под стула и заглянул ему в глаза.

– Ну что, Долголап? – с насмешкой спросил Гвим. – Что, наглая морда? Вот, оказывается, зачем ты ко мне тогда с угрозами пришел – моя женушка тебя надоумила! Все соки высосала, а все равно мало. И сестрица туда же... Ну теперь-то что об этом?

Кот сжался и хрипло мяукнул.

– Ладно, – смягчился староста. – Несладко тебе у них пришлось, да? Оставайся здесь, только под ногами не путайся. Я теперь Гвим, а ты тогда будешь Ильвом. Да, подходящее имечко – Ильв. За ухо-то прости...

Гвим Долголап бросил коту в угол старый плащ, потом для верности закрыл дверь на защелку и снова поставил на стол стопочку и графин.

ПОД ЧЕШУЕЙ

Он разговорился только после четвертой кружки яла – этот маленький, нелепый человек, рано увядший и усохший, словно у него и не было никакой молодости, словно из ребенка он превратился сразу в старика. Мы с Матти думали, что он станет жаловаться на женщин: подобные ему всегда так поступали. Но незнакомец за трактирным столиком стал повторять одно слово – «Фрх», сначала шепотом, потом в голос.

– Фрх? – переспросил Матти. – Как будто змеиный язык. Это кто такой – дракон?

– Ядозуб, – ответил захмелевший человек. – Наш домашний ядозуб.

Теперь стало ясно, отчего он так часто смотрел под стол, на грязные половицы у своих ног – сказывалась привычка. Правда, редко кто привязывался к ядозубам: они все же не собаки, и характер у них не сахар. Посадить на цепь дом охранять – дело одно, а водить с собой на поводке – другое. Чего доброго, оттяпает от хозяина хороший кусок.

– Нет! – с жаром возразил незнакомец и налил себе пятую кружку, попутно расплескав полкувшина. – Они все... понимают. И порой лучше людей, да, лучше!

Когда я был совсем мал, отец частенько меня поколачивал. Да что там поколачивал – бывало, после бочонка-другого с топором по двору гонялся. Матушка его особо не сдерживала, уж очень любила: днем он ей оплеух наставит, а ночью она его сон стережет и радуется, что супружник ее живой, дышит. Так вот, когда отец сильно буйствовал, я прятался в будку к Фрху. Знал, что к ядозубу не полезет, боится. Там, в будке, запах такой был – как груды палых листьев осенью. Я разговаривал с Фрхом, потом прижимался к нему и засыпал. Ядозубы – они ведь теплые... Он меня не трогал и будто бы всегда слушал.

Рос я скорее в будке, чем в доме, и потому многого не знал. Например, того, что отец зельями и отзельями про-

мышляет, порой тайными и самыми редкими. Понял я это лишь тогда, когда к нему заявили стражники: наш старый лорд был при смерти, и помочь ему могла особая исцеляющая мазь. У отца была эта мазь, но он решил, что самому нужнее. Он закрутил покрепче пузырек и заставил Фрха проглотить. Стражники весь дом перевернули, но, конечно, ничего не нашли. А из Фрха как-то тот пузырек... не вышел. Отец сказал: золото даже ядозубий желудок не переварит, а так сохраннее будет – тайник под чешуей. Если вдруг еще кто придет...

Потом прошло восемь лет, матушка уже почила. Фрх постарел, и у него выпал зуб, но его все равно держали из-за пузырька. Я уже не вмещался в будку, и потому ночевали мы с Фрхом в деревянном сарае – домой меня особо никто не звал. И вот однажды отец заболел, как-то мгновенно слег. Метался на кровати и все хрипел про мазь. Зарежь, повторял, эту зеленую тварь, и вытащи. А я не мог убить Фрха. Ну просто не мог – он-то со мной всегда рядом был. Пусть не разговаривал, но слушал, а когда я спал, будто накрывал хвостом.

Отец умер на следующий день; я его похоронил, как полагается, рядом с матушкой – теперь им друг от друга никуда не деться. Дом продал, и мы с Фрхом пошли бродить. То тут жили, то там, но нигде не задерживались. Странно нам было среди людей. А потом и его не стало. Три года уж прошло...

Незнакомец замолк и уставился в свою кружку. Мы с Матти ждали. Наконец, мой друг не выдержал:

– Так сохранился у него внутри тот пузырек с мазью?

– А, – растерянно отозвался маленький человек. – Я как-то и не проверил.

Его рука скользнула под стол, и пальцы словно погладили чью-то тень, но там, конечно же, никого не было.

ОБ ЭТОМ НЕ РАССКАЗЫВАЮТ

Представление уже закончилось, зрители разбрелись кто куда, а Бохо никак не мог успокоиться. Он пыхтел и ходил кругами, потом стащил с себя деревянные доспехи и зашвырнул их подальше, процедив:

– Все, хватит! Пущу на колбасу!

Проходивший мимо Родрим положил руку ему на плечо.

– Да брось ты, не принимай близко к сердцу.

– Что значит «брось»? – огрызнулся Бохо. – У меня серьезный номер! Глотать мечи – совсем не шутка, не то что тебе по канату ходить и рожи строить. Мой образ должен вызывать трепет, а не хохот, когда эта тролльская скотина выползает на сцену и тычется в меня мордой.

Они оба глянули в сторону столба, к которому был привязан Кляча – дряхлый, почти бесформенный от старости конь. Бродячий цирк не так давно подобрал его в лесу. Поначалу Кляча еще годился для перевозки разной утвари, но потом начал сдавать, и Толстяк, хозяин цирка, держал его то ли из жалости, то ли по привычке.

– Ну какая из него колбаса, – рассмеялся Родрим рассыпчато и звонко, как это могут делать только юные люди. – Пусть себе живет, бедняга, ему недолго осталось.

– А я говорю, что мое терпение лопнуло, – не унимался мечеглот. – Я иду к Толстяку, сейчас же иду!

– Послушай, не ходи, – тихо сказал канатоходец. – Я пригляжу за Клячей, не будет он тебя больше беспокоить. Если хочешь... – Парень на мгновение загнулся. – Если хочешь, я уступлю тебе номер с факелом. У тебя не хуже моего получается выдувать огонь.

Бохо замер на полушаге.

– Уступишь? – с недоверием переспросил он. – Из-за куска тухлого мяса? На кой он тебе сдался?

Родрим задумался, а потом развел руками.

– Сам толком не пойму. Но скажи, ты никогда не думал, что наш Кляча... как бы объяснить... не совсем простой конь? Он же не рвется к тебе на каждом выступлении – лишь тогда, когда ты надеваешь деревянные доспехи, черненные углем. Может, у его хозяина были такого цвета латы? Интересно, кто бы мог их носить? Мне все кажется, что я знал когда-то...

Парень замолк с приоткрытым ртом. Потому что он вспомнил. В голове промелькнуло детство и вечерние разговоры у камелька, и то, как он боялся историй о темных всадниках – тайной страже короля, быстрой, как взмах меча, и неуловимой, как ветер. Тогда маленький Родрим вздрагивал

от каждой ветки, стучащей в окно: ему казалось, там мчатся их вороньи лошади с горящими глазами. А отец смеялся над ним и говорил, что самая страшная сказка – сказка о песочных часах, потому что время не щадит никого. Только об этом не рассказывают – все так обыденно, так просто...

– Так что? – с ехидцей прервал его мысли Бохо. – Что там тебе кажется?

Родрим подошел к Кляче и осторожно приподнял его тяжелое опухшее веко. Глаз был мутный, подернутый пеленой старости, но где-то глубоко внутри еще виднелся багровый огонь.

– Ничего, – сказал парень и ласково похлопал коня по шее. – Ничего особенного. Забудь.

КАНИКУЛЫ

– Сделай хоть что-нибудь нужное, – втолковывал старый Хольд. – Для пользы дела, понимаешь?

Его внучка Ютта молчала, уставившись в пол. Перед ней на столе лежали довольно странные вещи: шар из темного стекла, деревянный куб, железная пирамида, пузырек с жидкостью, перо (почти как настоящее, наставник был бы доволен) и неприглядная лилия с запахом тины (а вот здесь не обошлось без ошибки). Но любому магу эти предметы были знакомы – самое начало, основа основ, первые каракули в волшебной тетради.

– Я плачу триста диаров в год за твое обучение, – продолжал дед. – Триста диаров, ты хоть понимаешь, какие это деньги? И ради чего? Конечно, я не ждал, что после первого года ты начнешь творить золотые слитки. Но хоть что-то годное в хозяйстве! Тот же орел, которого ты вызвала, на кой он мне? Яйцо, что ли, снесет? Лучше бы это была индюшка или, на худой конец, петух!

Птица, сидевшая на карнизе, возмущенно отвернулась.

– Это гриф, – едва слышно прошептала девочка.

– Драконий тиф, – передразнил старик. – Ладно, все с тобой ясно. Иди хоть капусту прополи, а то перед соседями стыдно.

Ютта встала и вышла во двор. Одна думала о том, что осень – невыносимо долгая пора и что каждый день до возвращения в школу будет для нее мешком за плечами, пригибающим к земле – земле влажной, плодородной и до боли чужой. Хольд тем временем выгнал грифа в окно, сгреб вещи со стола и закинул их в печь. Содержимое пузырька он вылил в навозную кучу, и на следующий день она заросла первоцветами.

ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ

– Государь вновь отправил меня на Остров, – сказал Ульям, стараясь, чтобы его голос прозвучал без всякой окраски.

– Я соберу твои вещи, – отозвалась Эйль.

Следуя негласному этикету высокого двора, она произнесла это ровно, даже буднично. Как будто собирала мужа в недолгий поход. Но внутри у нее все бурлило и клокотало. «Государь, – с горечью думала женщина. – Душегуб, убийца. Ненавижу тебя, Бальдок Однолист. Ненавижу!»

Она и года не прожила в этих краях, но уже знала, что такое Остров. Не благородный уход из жизни, как пытались его представить приспешники короля. А самая настоящая казнь, просто без лишних свидетелей. Виселица, топор палача – это грязный удел простолюдинов. Достойные же люди в свой час идут на Остров вечного блаженства и славы, а на деле мучительно погибают от ядовитых испарений, которые каждую ночь изрыгает этот жуткий клочок земли. И не жизнью определяется тот «час», а всего одним человеком...

«Будь ты проклят, Бальдок», – вновь беззвучно прошептала Эйль. Уже настали сумерки, а на рассвете Ульм должен был отправиться в путь.

Не так уж много времени.

Она собрала мужу нехитрые припасы и уложила спать. Все это время они молчали – их близость давно обходилась без слов. Лишь засыпая под действием дурманящих трав, Ульм спросил:

– Ты обманывала меня когда-нибудь? Просто скажи, да или нет.

– Всего лишь раз, – улыбнулась Эйль. – И это было давно.

Легким движением руки и поцелуем она сделала его дыхание мерным и спокойным. Потом вышла во двор, расплела длинные волосы, расшнуровала платье и сняла ботинки.

Темнота обняла ее, скрыв от посторонних глаз. И женщина босиком пошла по дороге, ведущей на Остров. Она напевала вполголоса древнюю песню и с каждым шагом все сильнее ощущала мощь сырой земли. Местные считали эту землю бесплодной, лишенной магии – но нет, обделенными Даром здесь были только люди. Эйль чувствовала себя одетой среди нагих, зрячей среди слепых. А она, дочь страны волшебников, когда-то пришла сюда, потому что полюбила.

«Всего лишь раз, и это было давно». Всего лишь раз Эйль солгала мужу, когда сказала, что в ней нет волшебства. Иначе Ульм не взял бы ее на свою родину, где на любого мага смотрели с ненавистью и страхом. И женщина оплела свою силу клеткой из кос, корсетов и шнуровок, заключила ее в сеть из сплетенных узелков и послушно старела вместе с мужчиной, которого выбрала.

Но порой дверь клетки приходилось открывать.

Эйль остановилась перед узким перешейком, ведущим на Остров. Потом опустилась на колени и склонилась до самой земли. С распущенных волос начала капать вода, словно одинокую странницу вдруг застиг ливень; но небо было чистым. Струи лились на землю, размягчая ее, превращая в темное месиво. Женщина запустила руки в грязь и принялась лепить что-то, непрерывно напевая. Она создавала земляное

тесто и начиняла его шепотом, теплом своих пальцев, потаенными мыслями и чувствами. Наконец, получилось нечто, похожее на буханку черного хлеба. Этот хлеб обжигал ладони, словно его и вправду только что достали из печи.

С буханкой в руках Эйль подошла к большому холму у самого перешейка и поклонилась ему.

– Пробудись, Хранитель! Прими этот скромный дар.

Холм дрогнул, кусты склонились и поредели. Растревоженный зовом и запахом Зверь пошевелился и гулко сделал шаг. Женщина положила хлеб чуть поодаль и, вновь поклонившись, отошла. А Зверь протянул свое земляное тело поперек дороги и взял дар языком, похожим на древесный корень. Взял медленно и осторожно, как ребенок – редкое лакомство. Кусты и травы вновь сомкнулись над его телом, и Зверь затих, погрузился в сон, задуманный на тысячу лет.

Эйль вздохнула, очистила руки травой и заплела волосы в две косы.

Проходя мимо окрестных деревень, она слышала шепот селян, твердивших о землетрясении – «только бы скотина не захирела». И лишь улыбалась, скользя между домами – невидимая, неощутимая, пропитанная древней магией до самых костей. Эйль вернулась еще до рассвета, в нужный час разбудила мужа и передала ему суму с едой и камешками для молитв.

– Ты что же, совсем не спала? – Ульм поцеловал ее волосы и согрел замерзшие пальцы, и она в который раз поняла: все,

что с ней когда-то случилось – не ошибка, так и должно было быть.

Он попросил, чтобы Эйль сразу ушла в сад и не смотрела в окно, не ловила взглядом его исчезающую тень. Она согласилась лишь для вида. Женщину не страшил вид из окна, потому что она знала: ее муж вернется. Вернется раскрасневшимся и нарочито спокойным и скажет: «Ты не поверишь, но холм опять сдвинулся и преградил мне путь. Мудрецы сказали, что это знак. Еще не время». Но Эйль также знала, что Бальдок Однолист не привык отступать и что холм скоро вернется на свое место, открывая путь к проклятому Острову.

Да, пусть не спасение – отсрочка. Месяц, год или всего лишь дни? Странно, но именно в это утро, именно у этого окошка такая мысль не рвала душу. Ибо то была завтрашняя мысль, а сегодня случится нечто более важное: возвращение. Между настоящим и будущим – пропасть, завтра будут какие-то другие мужчина и женщина, а все настоящее, все живое – сегодня.

Эйль отбросила в сторонку ненужные мысли и приготовилась чувствовать себя счастливой.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Когда Линграм наконец вернулся домой, прошагав без передышку двенадцать миль, то первым делом осушил две

кружки яла и заявил сам себе:

– Посмотрим, как он теперь выкрутится. У меня есть доказательство!

И молодой человек довольно глянул на обмотанный лентой свиток, за которым ходил в город. Подпись самого мудреца Мерлока, да еще с печатью – какие уж тут шутки! Даже интересно, что простофиля Ллинт скажет на этот раз.

...Их дома единственные стояли за речкой – на отшибе деревни. Ллинграм зажил сам по себе после смерти матери; бродяга Ллинт однажды заночевал в пустующей хижине через поле, да так и остался. Понятное дело, что между двумя соседями, отрезанными от деревенской жизни полосой воды, не могли не возникнуть отношения. Правда, это оказалась не дружба и не вражда, а нечто совсем иное.

Все соседство молодых людей вылилось в один большой спор. Как-то Ллинт признался, что уже давно охотится за феями. Ллинграм, который считал себя человеком образованным, тут же заявил, что фей не бывает. «Все это сказки!» – настаивал один сосед. «Нет, не сказки, – упирался другой. – Я сам их видел!» – «Конечно, после бочонка медовухи!» – «Вот поймаю парочку, убедишься». – «Ха!» – «Неприменно поймаю, или уж они меня с собой унесут!»

Каждое утро, если только не намечалась ярмарка, Ллинграм шел к соседу, чтобы привести какой-нибудь новый довод против существования фей. При этом он гордо надевал свою черную широкополую шляпу – знак учености и превос-

ходства. Линт, однако, не собирался сдаваться. Как только он видел шляпу, бредущую к нему сквозь заросли кукурузы, то сразу же натягивал особые ловчие сапоги – знак того, что готов дать отпор.

Пока между соседями числилась ничья: упрямства обоим было не занимать. Но в конце концов Линграм решился на тяжелый для своих мозолей шаг: отправиться в близлежащий город и добиться расписки настоящего ученого под словами «В фей верят лишь дети и глупцы».

«Никуда он не денется, – с легким злорадством повторял молодой человек. – Признает как миленький, что был неправ».

Он даже ялу выпил лишь для того, чтобы побыстрее заснуть и дожидаться утра.

И вот, это утро наступило. Линграм с особой тщательностью разгладил поля ученой шляпы, нарочито небрежно сунул свиток под мышку и направился к дому Линта.

– Эй, горе-охотник! – с порога крикнул он.

Но ему никто не ответил. Похоже, Линта не было. Линграм даже прикрикнул от досады.

«Отправился за своими сказками ни свет ни заря. Но ничего, я не отступлюсь. Буду ждать его прямо здесь».

Линграм устроился в старом кресле и только через какое-то время заметил, что в доме соседа холодно. Печку не топили дня два, а то и три. Окно было приоткрыто, и ветер гонял по полу белесую золу.

– Линт?

Не случилось ли чего? Или этот чудак ушел так же внезапно, как когда-то появился в этих краях? Линграм вспомнил, что вчера вечером вернулся таким усталым и поглощенным свитком, что даже не обратил внимания, горит ли у Линта свет.

Комната выглядела нежилой и заброшенной. Молодой человек поежился и решил развести огонь в очаге – на тот случай, если ждать придется долго.

Потянувшись за поленом, он внезапно отдернул руку. На полу лежала маленькая вещь, которая никак не могла там находиться. Никак. И все-таки она была, такая смутно знакомая. Линграм поднял и положил на ладонь сапог, ладно скроенный, со щербатой пряжкой и давно стоптанным носом – но с полпальца длиной.

Ловчий сапог Линта. Нет, так не бывает. Или...

Линграм понял – как понимают всего одно слово, меткое и острое, что мгновенно разбивает спутанный клубок догадок. Он вскрикнул, отбросил сапожок и выскочил из дома, забыв на столе свиток с ученой шляпой. А вслед ему донесся – или это ветер так свистел в кукурузе? – тонкий смех, похожий на колокольчиковый звон.

ПАДЕНИЕ

Наверное, они хотели построить здесь храм. Ведь эта ка-

менная поляна будто создана для молитв, а то ущелье с огненной рекой внизу – для жертв. Они даже начали: вырубili в скалах две колонны и наметили лицо будущей статуи – то ли великого дуса, то ли им одним ведомого божка.

Кто «они»? Старик не знал. Может, мудрейшие. А может, простые люди, такие жалкие и трогательные, облаченные в тряпье из невежества. Отмахнувшись от эха, как от назойливой мухи, он сел у самой пропасти. И положил перед собой большую книгу в причудливом дорогом переплете. Каждый раз, приходя сюда, старик двигал книгу то ближе к краю, то подальше от него, на палец, на полпальца, словно играл в какую-то мучительную одинокую игру.

В конце концов, он так и заснул – сидя, впившись пальцами в переплет. Годы брали свое. Когда старик пробудился, он увидел неподалеку корзину с хлебом и сыром. Наверное, еду принес пастух или кто-то из его детей.

– Видишь? – произнес он, глядя на каменное лицо в скале. – Они все забыли. Они свободны.

– Как же, – глухо отозвалась статуя. – Человек больше не часть природы. Листья, упавшие с одной ветки, не прирастают к другой.

Конечно, истукан этого не говорил и даже не шевелил губами – у него и губ-то не было, одни наброски. Старик сам выдумал ответ. Он жаждал общения с ровней, с тем, кто знает и помнит. А таким в поселке был только он один.

– Но есть ветви, которые в воде пускают корни.

– Здоровые ветви, – возразила статуя. Она была подходящим собеседником, неторопливым, умудренным сотнями лет. – А не побеги дерева, сгнившего насквозь. Нет, такое возможно только у людей: ты забираешь у преступника ребенка, растишь его в неведении и превращаешь в достойную особь. Только не много ли ты на себя берешь? Это не младенец, а целый народ!

– Короткая память – прекрасный дар, – пробормотал старик.

Он не имел в виду себя. Он-то все помнил. А что не помнил, то подсказывала книга – летопись его земель, древняя и беспристрастная. Тех земель, что они потеряли. Старик в который раз стал бережно перебирать страницы, водя пальцами по нарисованным горам и морям, дворцам почти небесной красоты, утратившим жизнь портретам и числам, бесконечным числам. Последние листы, уже без рисунков, раздувались от обилия фраз, резких, сжатых, как военные приказы. И чернила были уже не синими – багровыми.

«Багровые. – Слово вертелось на языке и отскакивало от поредевших зубов. – Багряные. Обагрённые».

Старик захлопнул книгу и достал из корзины хлеб. Люди почитали своего мудреца, хоть и никогда не обращались к нему за советами. Они были где-то внизу, их голоса доносились гулко, неровно: играли дети, перекрикивались пахари.

– Осколки, – произнес истукан. – Слышал, как их называют здешние? Дички, болотники! Их даже не гонят – никому

до них нет дела. Они уже свыклись. Может, этому племени уготовано стать рабами, как соломенным дикарям? И ты ничего не скажешь?

– А что мне сказать? – буркнул старик, заворачивая сыр в мякиш.

– Напомнить, что их род был великим. Что их предки поднялись так высоко, как не поднимался ни один властитель Эрминтии, ни один мудрец, ни один волшебник!

– Да, лезли все выше, брали все больше – и сорвались. Упали, как никто до них не падал. Ты хочешь, чтобы я посмотрел в эти лица, в эти глаза и поведал им, за что у йунов забрали дар магии? Рассказал маленькой толстушке мельника, что в ее венах течет черная кровь? Назвал однорукого бортника предателем всего в третьем колене? Сделал видимой всю эту грязь, от которой они никогда не отмоются – если будут знать? А они не знают, не знают...

– Зато йуны не позволяют унижать себя.

– Пусть унижаются, – прошептал старик, – но видят чистые сны.

Статуя склонила голову – то ли согласилась, то ли устала от споров – и замолкла. Ее лицо затерялось в скале; глаза, нос, губы уже казались просто обветриями.

«Решился? – судорожно ощупывал свое сердце старик. – Решился?»

Немного, еще чуточку. Ведь неизвестно, сколько впереди дней. Может, завтра он уже не спустится отсюда, и ветер при-

бьет его тело к щеке истукана, как волны прибивают мелкую добычу к камням. И кто-нибудь найдет книгу, и прочитает все, и ничего на самом деле не поймет...

Еще, еще... Половина уже свисала над пропастью. Пальцы замерзли, не двигались. Хлебные крошки, упавшие за воротник, стали царапать кожу.

Внизу радостно завизжал ребенок, и этого звука хватило на последний толчок.

Вся история великого, бесстрашного, самонадеянного народа, прародителя верховных жрецов и магов, сжалась в черную точку и исчезла в огненной реке. Теперь остались только йуны с приросшей намертво шкуркой земледельцев и следопытов. Они уплыли, они забыли. И некому больше вспомнить.

Что-то закончилось, что-то начиналось.

Старик вздохнул с горьким облегчением и медленно побрел вниз, держа руку за пазухой, у иссохшей груди. Там лежал единственный вырванный лист: портрет юной женщины с цветком в руке, названия которого уже никто не знал.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Грумс всегда понимал, что к простым людям не следует относиться с пренебрежением. Но он также знал, что нельзя позволять им думать, будто ты один из них. Поэтому он тщательно готовился перед тем, как распахнуть свои двери: рас-

чесывал бороду и разделял ее на две жесткие копны, скручивал волосы в косу, приглаживал сюртук. Бляшке на ремне полагалось блестеть ровно настолько, чтобы отражать солнце, но не притягивать взгляд: все-таки неприятно, когда плятятся на твой живот. Затем Грумс полировал ногти, начищал фамильный перстень и взбирался на скамеечку, дабы прибавить росту. Возвышаться над всеми – это важно, но опять же, нужно не переусердствовать.

Когда сам он был готов, дело оставалось за малым: должным образом представить сокровища. Грумс заботливо поправлял глиняных драконов, расставлял свистульки и вывешивал бусы так, чтобы они раскачивались на ветру. И только после всего этого он открывал лавку, и день на рынке по-настоящему начинался: лишь тогда наполнялась площадь, рождались голоса и вспыхивал смех.

Грумс один знал, что все обстоит именно так.

НАИЗНАНКУ

Ступая крадучись, с оглядкой, Тала поднялась по старой лестнице на чердак. Лютик недавно вышмыгнула оттуда, надо бы проверить. Так-так, да тут тайник – только без тайны. Ее сестра слишком мала, чтобы на самом деле что-то спрятать: там следы, здесь влезла пятерней в пыль. И половица лежит неровно. Глупая девчонка!

Тала откинула полусгнившую доску и замерла. В нише ле-

жал лист бумаги, сложенный во много раз, почти скомканный в горошину.

«Я так и знала! – с досадой подумала девочка. – А ведь мы только месяц как переехали».

Она осторожно развернула находку. На одной стороне были ряды каракуль (Тала не умела читать) – наверняка письмо, которое Лютик где-нибудь стащила. А на другой стороне красовался рисунок углем.

Тала сердито засопела – «Снова! Снова!» – и уже хотела разорвать бумагу в клочки. Но вдруг она узнала в рисунке себя. Только у нее во всей деревне были такие длинные косы и такое жалкое короткое платье, из которого она давно выросла. Голова у нарисованной фигуры была маленькой, а руки довольно кривыми («Ну, попадись мне, Лютик!»). Зато внутри красовалось что-то интересное, кропотливо созданное. Сестра всегда рисовала то, что под кожей.

Там, где у бумажной Талы билось бумажное сердце, угольные мазки сливались в лицо мальчишки. Белокурого парня с глазами синими и глубокими, подкрашенными черничным соком. Живое сердце живой девочки ухнуло и сорвалось вниз. Осот! И как эта bestия только догадалась? Ведь Тала никогда не показывала, как он ей нравится, даже глазела на него тайком. Конечно, ведь ей всего девять, а ему уже двенадцать! Будет Осот смотреть на такую малявку... Она почувствовала, как по щекам побежали горячие злые слезы.

– Мама, мамочка-а!

– Что? – донесся снизу раздраженный голос матери.

Тала приготовилась выкрикнуть: «А Лютик опять рисует!» Но слова застряли у нее в горле. Девочка прекрасно знала, что будет дальше: мать прибежит, бледная и растрепанная, выхватит рисунок и заплачет: «Святые небеса, и где эта бесовка взяла бумагу?!» Потом скомкает листок, кинет его в огонь, и они пойдут собирать вещи, чтобы уехать из этой деревушки в другую – ведь неизвестно, кого Лютик еще нарисовала, кому показала. Так было в прошлый раз, когда сестра изобразила старосту с безумными глазами, черными руками и огнем внутри. А в огне корчились какие-то фигуры. Лютик нарочно уколола палец, чтобы закрасить пламя кровью. Тала слышала от местных мальчишек, будто пять лет назад там и вправду сгорел трактир. Погибло много людей, среди них и предыдущий староста. Мол, упился до красных троллей в глазах и сам все подпалил. Но младшая сестра не могла слышать разговоры, ведь она с рождения была глухой. А поди же, взяла и нарисовала! Тогда они бежали на рассвете, не дожидаясь утра. Мать так колотила косяк, что чуть руки не разбила: только, говорила, нажили хозяйство. Но Лютика высечь не посмела. Да не то что не посмела – не смогла. Просто детей в охапку, и бежать. Со старостой, повторяла она, шутки плохи.

А до того была леди. Красивая, черноглазая, из замка на холме. Она жила одна после смерти мужа, старого лорда. Вся деревня плакала, когда хозяин замка умер во сне: хорошим

он был человеком, щедрым. И Лютик, хоть в глаза лорда не видела, нарисовала его угольком на кухонном полу. Внутри леди, рядом с ее сердцем, такого же цвета, как глаза. Во рту у лорда были гусиные перышки – сестра прилепила их воском – а над головой нависла подушка. Мать отскребла рисунок, и с тех пор в других домах она натирала мыльным корнем пол и стены, чтобы ни мел, ни уголь не взял.

– Так что у тебя? – вновь просочилось сквозь половицы. Послышался плеск воды в лохани.

Тала закусила губу и погладила смятую бумагу. Она никак не могла наглядеться на лицо Осота: такие бездонные синие глаза под густыми ресницами! Те самые глаза, в которые она не осмеливалась смотреть. Чудесный образ, но все равно его отнимут, сожгут. А потом они уедут, каждый со своей котомкой в руках, и больше не вернуться. Лишь одно слово, и Тала никогда не увидит парня с черничным взглядом.

– Ничего, мамочка. Прости!

– Хватит меня дергать! – отозвалась мать. – Лучше скажи, где твоя сестра? Почему ты не с ней? Ступай и приведи, пусть играет у печи, на виду. Никаких сил не хватает... – Голос превратился в невнятное бормотание и совсем утонул в шуме воды.

Тала сложила рисунок вчетверо и спрятала за корсаж. Лютик все равно не заметит, она не проверяет тайники, как кошка не раскапывает свое отхожее место. Спустившись в сад, девочка увидела сестру на старой груше: та сидела и

смотрела, как селяне возвращаются с полей. У нее не было деревянных мечей и кукол – у нее были люди.

– Никогда так не делай, маленькая дрянь, – произнесла Тала, беззвучно, но отчетливо, чтобы можно было прочесть по губам. – Не смей лезть в меня. Не смей это рисовать. Иначе я скормлю тебя жирному троллю, и будешь мазать своим углем у него в желудке.

Лютик наклонилась и рассмеялась звонким, беззаботным, невинным смехом пятилетнего ребенка. Ее нос забавно морщился, веснушки затерялись в грязных разводах, а кудри растрепались. Она сидела на ветке, жмурилась и хохотала, и Тала начала смеяться вместе с ней, хоть совсем этого не хотела.

– Ладно, чтоб тебя, – снисходительно прошептала старшая сестра и запустила в младшую переспелой грушей.

Радостно взвизгнув, Лютик кинула чем-то в ответ. Тала погрозила ей пальцем, подняла уголек, завернутый в тряпицу с капелькой крови, и быстро спрятала его в карман.

ПОРА

– Пожалуй, время пришло.

Девушка, большеглазая и на первый взгляд некрасивая, уронила ягоды в ручей. Только что она их старательно мыла, а теперь вся снежиника унеслась по воде чередой белых мурашек.

– Нет! – воскликнула она и упрямо выставила вперед локти. – Нет.

– Никогда не делай такой жест, иначе люди поймут, кто тебя воспитал. И возьми себе новое имя, Врранха. Твое племя называет детей по-другому: подобно песне, а не рычанию. Бери из тайника столько, сколько нужно. А затем уходи.

– Я этого не сделаю. Не хочу!

– Ты выросла, пора жить своим умом. Неужели ты думаешь, что тягучее существование за скалами и есть жизнь? Не равняйся на меня. Оглянуться не успеешь, как тело иссохнет и сожмется, а мир перед глазами застелет пелена. Твое настоящее – там, за лесом.

– В городе? – горько спросила Врранха и, замотав головой, прошипела: – Ненавижу людей!

– Придется смириться. Хотя бы с собой.

– Ты тоже их ненавидишь, верно? Может, такова твоя месть? Вырастить меня, привязать к себе и скалам, приучить засыпать под твоё дыхание, а потом выгнать, словно собачонку? Смотреть, как я, поскуливая и хромая, уйду прочь из своего дома...

Земля дрогнула под их ногами, на деревья легло облако пепла.

– Если бы я и вправду к тебе так относился, то оставил бы здесь, навсегда! Сделал бы тебя букашкой в капле янтаря. Наблюдал бы, как ты становишься старше и старше, как начинаешь метаться по сторонам в поисках какого-то смыс-

ла. Не давал бы уйти. Сотня шагов на север и полсотни на запад – вот размер твоей клетки. Ты бы старела, Врранха, и пускала свои стрелы мимо. Сослепу ела бы ядовитые ягоды и корчилась от боли. А потом... потом ты бы умерла. И перед смертью спросила: «Так и должно было быть?»

– Что бы ты мне ответил? – тихо спросила девушка.

– Я бы ответил, что все это время за лесом был город. Где жил мужчина, который тебя не нашел. Где стоит дом, что тебя не дождался. Где стремятся вдаль дороги – к морю, серебряным горам, старым замкам – те дороги, по которым ты уже никогда не пройдешь.

Врранха молчала. Какое-то время она сидела неподвижно, потом пальцы сами потянулись к охотничьей котомке.

– А если я заблужусь?

– Все идущие могут сбиться с пути. Все живущие могут умереть. Но и те, и другие в конце концов возвращаются. Таков порядок вещей.

...Маленькая фигура девушки затерялась между деревьями еще до захода солнца.

Он следил за ней до самого города, а потом вернулся за скалы. Он знал, что долго не осмелится показаться на глаза своим – пусть сначала все скроется, заживет. Даже природа считала слезы позором: они прожигали кожу и оставляли после себя грубые пересохшие устья. Но потом – когда-нибудь – шрамы зарастут чешуей. Так молодые деревья медленно скрывают уродливый овраг.

«Огонь должен стремиться вверх, – давным-давно говорил ему отец. – Из глотки прямиком в воздух. Не подпускай его вниз, к сердцу. Нам дано зажигать, но не тушить».

Люди умеют укрощать огонь. Они закидывают костры землей...

Старый дракон распластался на этой земле, мягкой и мокрой после дождя, и закрыл глаза.

ПОЙМАТЬ ЕДИНОРОГА

Я не видел его много лет и уже не думал, что когда-нибудь увижу. В памяти так прочно сидел былой образ – благородная седина, перстни на пальцах, расшитый золотыми нитями плащ, – что я едва узнал его в нищем оборванце, который бежал к охотничьему привалу и, размахивая руками, кричал:

– Единорог! Единорог!

Никто не обратил на него особого внимания – мало ли тут шляется странных типов, похожих на безумцев. Только один охотник лениво спросил:

– Что «единорог»?

– Единорог вышел из леса!

Раздался дружный хохот.

– Говорю я вам, гляньте вон туда!

Тот, кто соизволил повернуть голову, перестал смеяться. Вдали, на пригорках, и вправду маячило что-то белое.

– Лошадь – бесхозная, что ли?

– Там, поди, хозяин рядом.

– Какой хозяин? Там троп через лес отродясь не было. Заблудилась скотинка...

– Да никакая это не лошадь, – не унимался оборванец. – У него рог! Не верите – посмотрите сами!

Конечно, единорога сразу скинули со счетов, но живые лошади в этой глуши ценились не меньше мертвых тигров. Мужчины поднялись со своего привала и, прихватив веревки, направились к лесной опушке. Кто-то остался охранять пожитки, но я не был в их числе. Мне стало любопытно. Нищий сновал среди охотников, подпрыгивал, размахивал руками. На мгновение наши глаза встретились, и он отшатнулся. Не узнал, но почуял – как один маг другого. Я молча коснулся перстня на своей руке, и оборванец усмехнулся одним уголком губ – видимо, вспомнил.

Мы шли быстро, кто-то перешел на бег. И наконец увидели за редкими соснами белую лошадь с отростком на лбу.

– Неужто правда? – послышался изумленный шепот.

– Я же говорил! – торжествующе сказал нищий.

– А вдруг ты врешь? Сейчас умельцы на ярмарках кого только не показывают – и русалок, и дракоэльфов. Прилепили клык шерхата к коню – и все дела...

– Тсс, – шикнул охотничий голова и кивнул в мою сторону. – Что гвалт подняли? Среди нас волшебник, пусть он и скажет.

Я кивнул и вполголоса объявил:

– Да, это единорог.

Потом я долго спрашивал себя, смог бы я соврать ради него. Наверное, смог бы. Но не пришлось: перед нами действительно стоял чудесный зверь, у самой кромки Чаролеса. Я видел одного единорога в Эсмонде, и запомнил, как это – ощущать его силу всей кожей, чувствовать покалывание в пальцах от одного только взгляда золотистых глаз.

– Давай аркан, – одними губами сказал раскрасневшийся голова. – Хоб, ты подойди сзади.

Грузный Хоб с веревкой в руке принял охотничью стойку и почти что легко сделал шаг вперед. Но оборванец схватил его за рукав.

– Ты что! – возмущенно прошипел он. – Это же вам не сельская кобыла, так просто не схватишь. Подманить нужно, осторожненько так.

– Чем подманить? – спросил голова с раздражением, однако дальше идти не стал.

– Как чем? Вы разве не слышали, что в народе говорят? Серебром. Они жуют серебро и золото, как сахарные розы. Оттого и сила.

– Чушь собачья...

– А ты монету кинь – увидишь.

Голова недовольно заворчал и оглянулся на остальных. Те выжидающе смотрели. Тогда он развязал суму на поясе и нехотя швырнул мелкий диар, который упал на траву не так далеко от изящных копыт.

Единорог вскинул голову, обмахнувшись веером бело-снежной гривы, потом подошел к монете и осторожно взял ее мягкими губами.

– Ну, что я говорил! – снова торжествовал нищий, едва слышно похлопывая себя по грязным порткам.

Второй диар полетел уже с большей готовностью. Волшебный конь снова приблизился. Охотники не выдержали и стали рыскать по своим карманам, доставая все, что было – и мелочь, и серебряные двушки. Деньги посыпались градом, и единорог только успевал подхватывать их.

– Давай, давай, – тихо доносилось со всех сторон. – Сюда, миленький, еще шажочек...

Вдруг одна монета со звоном ударилась о большой камень. Никто не видел, чья рука ее кинула – никто, кроме меня. Конь взвился на дыбы, издал мелодичное ржание, больше похожее на трель лесной птицы, и белой вспышкой затерялся среди деревьев.

С минуту было тихо.

– Эх, ты, Хоб!... – наконец с досадой бросил голова и сплюнул на землю.

– А что сразу – Хоб? – возмутился тот. – Вы и утром те-терева упустили, а потом на меня свалили. Ну, знаете ли!..

Охотники понуро ушли с опушки, но чем дальше они уходили, тем бодрее становился их шаг. Наверное, им пришла мысль, что деньги они потратили не так уж зря. Посмотреть на живого единорога и не лишиться при этом глаз – таким не

каждый сможет похвастаться, будет что соседям рассказать.

Краем глаза я успел заметить, что нищий скрылся в лесу. Я быстро направился за ним, вбирая пальцами его следы, чувствуя его ускользающую стихию. И вскоре увидел то, что и ожидал – человека в обносках, обнимающего за шею своего зверя.

– Тише, тише, – успокоил он единорога, когда тот дернулся, заметив меня. – Все хорошо. Ты удивлен, не так ли?

– Даже не знаю, что сказать, учитель, – ответил я.

– А ничего не говори. – Мой бывший наставник что-то шепнул коню, и тот выплюнул на землю пригоршню серебряных монет. – Приходится как-то выживать без магии, так почему бы не использовать свои преимущества перед обычными людьми? Все волшебные создания – единое целое. Они верят нам. И неплохо обучаются...

Я стоял и молча искал глазами под тенью старого капюшона те точеные, гордые черты, которые когда-то внушали мне благоговейный ужас. И нашел их – да, я был уверен, что нашел.

– Смотрю, ты возмужал. – Он снова усмехнулся уголком губ. – И многое тебе подвластно. Моя беда в том, что я воспитал слишком много пытливых. Балуйся чарами, но не переступай грань – она ближе, чем ты думаешь. Иначе тоже поймешь, каково это – быть изгнанным...

Пока я собирался с мыслями, нищий оборванец, который был когда-то великим волшебником, поднял с земли деньги

и глянул на меня с легкой завистью и тоской. Вернее, не на меня, а на мои руки, на причудливые руны возле костяшек – то место, где у него сейчас зияли шрамы. Потом потянул за собой единорога и, не проронив ни слова, исчез в лесной чаще. Я не стал его останавливать.

По правде говоря, я просто не знал, чем его можно остановить.

ЭВАДНА

Каждую весну его тянуло к ней. И тогда он сбрасывал личину затворника, словно старую кожу, и отправлялся в путь – без коня, без экипажа, просто пешком, потому что хотел прочувствовать каждый шаг. За ним, как обычно, тянулась вереница молчаливых стражей, но они давно не играли роли. Люди вокруг будто становились прозрачными, их слова падали, едва сорвавшись с губ, как бескрылые птицы. Он видел лишь дорогу и слышал только ее дыхание, и шел быстрее, оживая, собирая воедино покрытые пылью чувства.

Она встречала его, украшенная ранними цветами и робкими зелеными ветками. Ее глаза, которые когда-то были фиолетовыми, теперь в сумерках искрились огоньками свеч. Он растворялся в ее звуках и запахах и шептал:

– Ты все такая же. Совсем не изменилась.

– Ну как же, – смеялась она. – Вон как разрослась вширь.

И такая болтливая, что сама от себя устаю.

Действительно, она без умолку что-то говорила разными голосами, иногда рассыпалась детским смехом, иногда отзывалась вечерней птицей. А он просто касался ее шершавой, обветренной кожи и повторял про себя: «Теплая... живая...»

– Так ведь весна, – с легкостью читая мысли, усмехалась она и укутывалась в крапчатый плащ ночи.

И в конце концов просыпалась боль, которая жила в нем, словно зверушка в норке, и начинала царапать и грызть его изнутри. Он убаюкивал эту боль, глядя по колючей шерстке, пока любимая дремала рядом.

Уходил он на рассвете, с первыми лучами солнца. Тихо и не оглядываясь, чтобы не разбудить. И чем дальше он удалялся, тем явственней проступали черты стража, шагавшего с ним бок о бок. Прозрачный человек снова обретал плоть и превращался в советника и друга. Друга, который обычно сопровождал его молча, но в этот раз почему-то сказал:

– Ты не должен больше туда возвращаться, мой король. Ты назвал город ее именем и можешь назвать так еще десятки городов. Но это не вернет ее. Твоя жена умерла.

«Слепец, – в ответ подумал он. – Старый, верный, дорогой сердцу слепец. Она не умерла – она и есть город. Она выглядывает из каждого окна, ее сердце стучит кривым колесом в повозке, мостовые – ленты на подоле платья. Ее румянцем окрашиваются дома на рассвете. Разве такие, как Эвадна, умирают?»

Но вслух Эльтанор ничего не произнес. Здесь, в пустыне людей, ему незачем было облекать свои мысли в слова.

СВОИ

– А нечего тебе об этом знать. – Хромая Лиса засучила один рукав и принялась колотить пестиком в ступке так, что гул застил уши.

– Но, ба, я подумал...

– А нечего думать.

Она стала носиться по землянке и срывать с тяжелых вязанок трав, свисающих со стен и потолка, то веточку, то полветочки, то пару листочков. Потом швырнула все это в котел и туда же всыпала толченые ягоды. Ити молча наблюдал за ней. Когда у мальчика выдавалась минутка просто так посидеть и поглазеть, он всегда удивлялся, словно в первый раз, как эта женщина может быть его бабушкой. Тонкая, юркая, по-дикому красивая лекарка, которая так и не смогла состариться, хоть отчаянно пыталась.

Хромая Лиса зачерпнула длинной ложкой варево, попробовала, сплюнула, утерла слезящиеся от едкого пара глаза. Потом хлестнула себя тугой рыжей косой по спине и неожиданно сказала:

– Вот что, запомни. Не придумано еще такого зелья, чтобы люди языками чесать перестали. Мало в их жизни толка, вот и выдумывают всякие байки. Я обычным ребенком ро-

дилась, как все рождаются. А то, что лисица чуть из колыбели не утащила – так чего ждать, раз стоим у самого леса. Старого Олина тем летом медведь разорвал, и что, разве кто пикнул?

– А Ильна, плотникова старшая, сказала... – начал Ити и замолк.

– Плотникова старшая, – фыркнула Хромая Лиса, чуть оскалив мелкие белые зубы. – Грудь-то уже выросли, а мозги все никак не появятся. Ну, что она сказала?

– Что не просто так тебя, ба, лисица тащила, – осмелел мальчик. – Что она в тебе родную кровь учуяла. А дед твой проснулся, хватя тебя за руку, а зверь – за ногу. И если б не проснулся, она б тебя к своим, оборотням, унесла. К папане, то бишь. Это Ильна так сказала – к папане.

– Шибко все умные вокруг, – пробормотала лекарка, сняв котел с очага и накрыв его крышкой. – Что ни спрости – все знают, верно своими глазами видели. Папаня мой испарился, когда меня на свете еще не было. Сколько лет прошло, а все шепчутся, сторонятся. Даже имени лишили. Хромая Лиса – и все тут! Да, злее зла в наше время не придумаешь: охрометь и рыжей уродиться. Это зуд у людей такой – все у них вилы чешутся. И от него тоже лекарства не сваришь. Только нечего им здесь ловить, ясно тебе? Я обычная, род мой обычный, и жить мы здесь будем. Никуда не уйдем. Можешь передать это плотникову семейству – и старшим, и младшим. Нет среди нас оборотней, слышишь?

– Я пойду к опушке, домастерю, – вместо ответа сообщил Ити. Он не любил, когда бабка Лисонька (так он ее про себя называл) начинала злиться. Мальчик соскочил с лавки и вылез наружу, и прохладный ветер сдул с его рубахи терпкий запах ягод и трав.

– Бездельник! – крикнула ему вдогонку Хромая Лиса. Почему-то именно в ругательствах проскальзывали нотки затаенной нежности, которую она скрывала не хуже медяков под полой и редко извлекала на свет.

А Ити дошел до опушки и направился дальше, к лесному озеру. Мальчик решил, что раз бабка ничего ему не сказала, то и он будет молчать. Наверное, так заведено. Он ни словом не обмолвится о вчерашней ночи, когда он лежал на заросшем тростником берегу, рассматривал свое отражение в лунном свете и видел свои глаза – чужие, желтые, с тонкой полоской зрачков. И о том, что был там не один: рядом спокойно сидел старый, серебристо-седой лис.

ИСТИННАЯ МАГИЯ

Горе, горе тому чужеземцу, что осмелится вообразить, будто трактир «Медный чайник» был создан для торговцев, идущих за редкими камнями на запад! Да пути еще не были протоптаны и камни те не открыты, а «Медный чайник» уже стоял, и его ступеньки порядком продавились. В самом деле, куда вечером податься честному человеку, как не в старый

добрый трактир? Так скажет любой из местных и уверит, что бревенчатый дом всегда был у леса, во все времена, как основа основ.

Годы мелькали, а в «Медном чайнике» ничего не менялось: скрипели стулья, брэнчали тарелки, глухо стучались полные до краев кружки. И лишь незадолго до полуночи в залах воцарялась тишина: по лестнице спускалась Госпожа Зариль, чтобы приступить к гаданию.

Поговаривали, что Госпожа Зариль немногим моложе самого трактира. Но толки такого рода ходили лишь шепотком, на задворках. Эта женщина была свежа и хороша собою до самых контуров черной маски на лице. А что под маской – никто не знал: гадалка никогда ее не снимала. Каждый вечер она проходила мимо притихших постояльцев, неторопливо и с достоинством, садилась за особый столик и доставала Знаки.

Знаки хранились в бархатном мешочке и в нужный час рассыпались по столу нарочито небрежным взмахом руки. Причудливые закорючки разных цветов сливались в картину, видимую лишь Госпоже Зариль; остальные молча ждали. Наконец, звучал приговор: «Ночь востока дышит холодом». Или нечто в этом роде.

Предсказания гадалки всегда были туманны. Впрочем, никто не обращал на них особого внимания. На самом деле люди ждали именно тех мгновений, когда трактир вдруг замирал и превращался в древний храм, и всех на миг объеди-

няла тайна – тонкая, неуловимая, как крыло бабочки-ночницы.

Но однажды Госпожа Зариль не спустилась вниз.

Завсегдатаи «Медного чайника» ждали, ждали, ждали. Особенно ждал один человек – казалось, лестница даже прогнулась от его взгляда. Но все напрасно. Не скрипнула ни одна ступенька. И пена в забытых кружках медленно, уныло таяла.

– Может, что-то случилось? – прошептал этот человек, нервно теребя длинную, до самого локтя, перчатку. Перчатка у него была только на правой руке. – Может, нужно пойти посмотреть?

Почтенный хозяин трактира поспешно поднялся наверх и так же быстро вернулся, весьма смущенный. Одна щека у него алела – как видно, от пощечины. Из чего все сделали вывод, что Госпожа Зариль находится в добром здравии, но отнюдь не в добром настроении.

Трактирщик молча побрел к своей стойке. Гости же, пождав немного, вернулись к трапезе, только звон тарелок и кружек в этот вечер звучал как-то тоскливо.

* * *

– Так все-таки... ик!.. скажи мне, Дорион... тот маг и в самом... ик!... деле приделал тебе руку?

– Да нет же, Вильс, нет, – терпеливо отозвался человек с

высокой перчаткой. Все уже разошлись, а он остался стоять у окон «Медного чайника» в надежде узнать хоть что-то о Госпоже Зариль. – Я говорил тебе сотню раз. Маг не приделал мне руку обратно, а сотворил новую – из того, что нашел.

– А что он такого нашел? – спросил Вильс (даже не спросил, а булькнул, словно весь эль в нем был готов перелиться через край). – Зачем ты эту пур... перр... варежку носишь?

– Чтоб не пугать никого. Выглядит не шибко красиво. Зато действует: сила есть, пальцы гнутся, а большего мне и не надо.

– Так все-таки... ик!... за какие заслуги...

В одном из окон трактира ярко вспыхнул свет.

– Тсс! – шикнул Дорион, приложив палец к губам.

Вильс послушно замолчал, сделал шаг назад и угодил задом в пустую винную бочку. Раздался треск: бочка охнула, но выдержала.

– Ну что ты за человек! – рассердился Дорион, однако приятель его уже не услышал: он храпел на всю округу. Свет в окошке чуть приглушился.

– Пьянчужки, чтоб их! – слышалась ругань трактирщика.

– Вот именно, – раздался низкий, глубокий голос Госпожи Зариль. – Пускаешь к себе всякий сброд без разбору. А мне что теперь делать?

– Кто мог подумать, – принялся оправдываться хозяин «Медного чайника». – Вполне приличные торговцы с восто-

ка, и только этот их зверек...

– Зубастая бестия! Прошмыгнула в мою комнату и сожрала Знаки. Все до единого. Хоть бы подавилась!

– Ну, он же хищник, а твои Знаки, вообще-то...

– Да, да. Кости. Куриные кости. Я их вылавливала из сотен тарелок, сама рылась в мусорных бочках – столько часов, проведенных в этой жаркой, закопченной кухне! Взвешивала, перекрашивала, придавала форму – и теперь все летит к троллям из-за какого-то хорька! И теперь я не знаю толком, что мне делать дальше, как жить с этим глупым пустым мешком.

– Если бы ты использовала камешки или монеты... – начал трактирщик, но его назидательную речь прервал громкий хлопок. Дорион так и представил, как расплзается красное пятно на второй щеке толстяка.

– Много ты понимаешь. – Голос гадалки стал размеренным и каким-то глухим, словно постарел на целый век. – Конечно, в куриной тушке романтики мало. Вам всем лишь бы поглазеть и подивиться, а потом между собой посмеяться. Но разве не я предупредила старосту о налетчиках той зимой? Разве не я сказала закупить больше зерна перед голодным годом? Истинная магия не всегда красива. И кто знает, какой дис пожелал, чтобы сила скрывалась в костях именно этих безмозглых птиц.

– Но я не знаю, что можно сделать сейчас, – растерянно произнес хозяин «Медного чайника». – После праздника

жатвы вряд ли в окрестностях осталась хоть одна курица на продажу. Конечно, я могу послать за горы...

Дверь с силой ударилась о косяк. Трактирщик вздохнул и погасил свечи.

Дорион отошел от окна. Он не сразу заметил, что храп прекратился.

– Так все-таки... ик!... – глубокомысленно изрек Вильс. – Чем ты так угодил тому магу, что он сделал тебе руку?

– Пустяки, – ответил Дорион, задумчиво теребя перчатку. – Всего лишь спас ему жизнь.

* * *

На следующий день «Медный чайник» был битком набит народом. Явились не только честные люди, но и их любопытные жены, которые обычно обходили трактир за милю и грозились при случае его сжечь. Что-то стряслось с именитой гадалкой – вот это событие в тихом городке! Может, к ней наконец подкралась старость или вскочил ячмень на глазу? Конечно, женщины ревновали своих мужей к Госпоже Зариль и жаждали убедиться, что она – обычная женщина с обычными слабостями.

– Не придет, – причмокнув, заявил Вильс. – Сними плащ, не то будешь мокрым, как лошадь!

– Кто знает, – отозвался Дорион, который старался не смотреть на лестницу и потому неуклюже тыкался взглядом то в стену, то в чью-то спину. – Может, и придет.

– Думаешь, я вчера спал, ничего не слышал? Куряти-

ну сейчас можно отыскать разве что в желудке у тролля. Сам знаешь, после жатвы у любого селянина остались лишь несушка да полудохлый петух, и по доброй воле их не отдадут...

– Я так долго наблюдал за ней, – вдруг сказал Дорион. – Пять лет, ни одного вечера не пропустил. Запомнил каждый жест и взгляд, силу голоса на каждом слове. Ну и, сам того не понимая, отложил в памяти все Знаки – и форму, и размер, и цвет...

– Эй! – пихнул его локтем Вильс. – Так все-таки ты в нее...

И осекся, потому что заскрипели ступеньки: по лестнице величественно спускалась Госпожа Зариль.

Не обращая внимания на восторженные вздохи мужчин и завистливое сопение их жен, гадалка, как ни в чем не бывало, села за свой столик, достала бархатный мешочек и рассыпала на черной скатерти Знаки. Точно такие, как раньше.

– Вот это да! – воскликнул Вильс. – Вот это женщина, она таки их добыла!.. Ты свой балахон снимешь или нет? Мне даже смотреть на тебя жарко.

Дорион медленно распахнул плащ и показал приятелю обрубок правой руки.

– Ты все спрашивал, из чего маг сделал мне руку, – усмехнулся он. – Конечно, из куриных костей. Я же был фермером, ты не знал?

* * *

Поздней ночью, перед самым рассветом, в дом Дориона постучали. Он отворил дверь. На пороге стояла женщина в маске.

– Я нашла в своей комнате новые Знаки, – без лишних церемоний заявила она. – Стала гадать на свою судьбу, и они почему-то привели меня сюда. Уверили, что здесь я найду мужчину, который мне действительно нужен.

– Вряд ли я тот мужчина, – тихо произнес Дорион и показал то, что осталось от его руки. – Пусть Знаки выберут вам кого-нибудь получше.

– Вот как, – не смутилась Госпожа Зариль. – Вижу, вы с самого начала решили играть честно. Тогда и я вам кое-что покажу. Не хочу, чтобы лицедейство сбило вас с толку и вы считали меня красавицей.

Она медленно сняла маску и посмотрела на человека перед ней с вызовом и затаенным страхом.

Дорион молчал. Он осторожно собирал взглядом каждую черточку, каждую веснушку и морщинку – все то, что долгие годы пытался угадать по изгибам ткани.

– Вы прекрасны, – наконец искренне прошептал он.

Гадалка выдохнула чуть менее сдержанно, чем хотела бы.

– Значит, Знаки не обманули... Так вы впустите меня или оставите мерзнуть?

Она вошла и села у камина, попутно заметив, что столик в углу ничуть не хуже трактирного и на десяток-другой лет с легкостью его заменит.

ПРАВДА?

– Что ты делаешь? – спросила девочка в тонком синем платье. Она стояла чуть поодаль и с любопытством наблюдала, словно зверек, который когда-то был домашним, но потом его выбросили на улицу.

– Ничего, – огрызнулся Вейл.

– Но ведь что-то делаешь?

– Отстань!

Девочка поджала губы, но не ушла. И парень понял, что должен ей ответить, иначе задохнется в своем молчании.

– Громлю дом. – Слова с трудом протиснулись сквозь зубы. – Я разнесу его по щепкам, а потом подожду.

Вейл искоса глянул на девочку: она стояла на том же месте, сцепив лапки. Ее кожа при свете луны казалась совсем бледной и отливала голубым. Троль бы ее побрал! Ну почему у него вечно все идет не так, как надо? Первая ночная вылазка – и на тебе, привязалась!

– Зачем ты его громишь? Это ведь хороший дом.

Парень схватил какую-то деревянную штуку (что это для них? стул, стол, идол?) и с размаху кинул о землю. Штука должна была разлететься в щепки, но почему-то осталась целехонькой. Проклятье.

– Сама знаешь, зачем! – зло выкрикнул он. – Потому что в нем живут большеглазые! Негуины! И если они сами не

хотят обратиться с наших земель, мы поможем!

Стул-стол-идол пинком отлетел к стене. Вейл принялся остервенело топтать его своими большими, обитыми сталью сапогами, и вещь, наконец, поддалась. Дерево рассыпалось под ударами мелкой золотой пылью. Все у них не так. Везде эта клятая бледная магия.

Девочка подошла чуть ближе. Она казалась очень серьезной, словно готовилась ответить важный урок. Парню вдруг захотелось кинуть в нее что-то, хлопнуть перед ее лицом, даже ударить – только бы она вскрикнула, заплакала, убежала, как любой нормальный ребенок. Но не смог. Он просто стоял и тупо смотрел на измазанные золотом сапоги.

«Сейчас она скажет. Я чувствую. Произнесет всего одно слово...»

И она действительно спросила:

– Правда?

Вот так. Вейл сложился пополам. Эта маленькая дрянь словно засунула ручку в его внутренности и дернула за веревку ширмы, обнажив тайник. Правда? Все так хотят, все так делают. Правда? Они должны уйти, они опасны, они пожирают наших детей. Правда? Их страшно убивать, но им можно мстить, они заслужили. Правда? Нет. Неправда, неправда. И он знал это в глубине души, и скомкал это знание до горошины, и не хотел идти сюда с дубиной и факелом, и все-таки пришел. Бессильная злоба начала хлестать через горло, и парень, скорчившись на земле, стал изрыгать

«Ненавижу! ненавижу! ненавижу!», как будто его рвало.

А потом всю ненависть вытолкнули слезы, и Вейл прижался к стене дома, похрипывая и сглатывая горечь. Он не сразу заметил, что девочка сидит рядом и гладит его по голове, а в ее темных негуинских глазах отражаются пожарища с дальних склонов.

ОТБОРНЫЙ КУСОК

– Я сразу вот что скажу, – заявил Нод Дреботоп, тяжело пробираясь сквозь заросли орешника. – Участок этот для меня особенный, и задешево я его не продам.

– Ваше право, – отозвался Юхан. – Если он придется мне по душе, то я доплачу.

– Может, все-таки возьмете ту часть земли у ручья?

– Нет.

– А у гречишного поля?

– Мне нужен дом на отшибе, подальше от всех.

– Как угодно, хозяин – барин. Лишь бы в карманах у него звенело.

Юхан молча потряс тяжелым кошельком. Дреботоп улыбнулся и поковылял дальше, подволакивая деревянную ногу. За какой-то десяток лет этот ростовщик скупил почти всю деревню и теперь раскроил ее на куски, словно рыхлый влажный пирог. Опустевшие хижины играли роль сахарных роз, поросшие бурьяном поля издали казались засох-

шим кремом. Нод норовил скормить свой пирог любому, кто при деньгах – будь то беглый каторжник, черный колдун или предатель короны. Он не задавал лишних вопросов. Правда, Юхана все же спросил:

– Как величать-то?

– Здесь меня прозвали Зимогором, – уклончиво ответил парень.

– Ну и глупая кличка, – фыркнул Древоноп.

Они, наконец, минули ореховые кущи и пошли вниз по склону. Место и вправду было безлюдным, даже мрачноватым. Ни дать ни взять – подгорелый бок. Но тот, кто искал убежище, сразу понимал: оно здесь. Так волк чует логово, а медведь – берлогу.

– Внизу река, – сказал Нод, указав за холм. – Слишком каменистая, для лодок непригодна. Срывается в ущелье, так что никто сюда не подберется. Как я говорил, этот участок для меня многое значит...

– Понимаю, – отозвался Юхан уже с вершины холма.

Он стоял неподвижно и смотрел на скалу по ту сторону речки. А на него прямо из каменной глыбы взирал древний король, одетый в лишайник, как в серебристую броню. Одна рука его держала рукоять меча, другая была воздета ладонью вверх, словно удерживала небесный свод. Плащ неровными складками падал к ногам и рассыпался валунами по реке. Глазницы были пусты, но выразительны. Король не просто так был высечен здесь – он что-то хранил и чего-то ждал.

– Да, понимаю, – медленно повторил парень.

Древотоп тоже глянул на другой берег.

– Тьфу ты, – бросил он. – Я не о каменном чучеле в короне. Дело в том, что на этой земле я похоронил своего любимого коня – вон там, за рябиной. Хорошая была скотинка, хоть и жрала слишком много овса!

КТО ЗНАЕТ

Как только он вышел за порог, в его спину привычно полетели насмешки, словно камни: «Полоумный! Полоумный идет!» Но то были мелкие камни – так, прибрежный песок. Еще бы, кто рискнет рассмеяться ему в лицо? Гримас ухмыльнулся во весь щербатый рот, вспомнив начальника местной стражи. Этот олух вздумал преградить ему путь у городской стены.

– А ну, ступай к себе домой да ряшку вымой! Не позволю всякой швали шататься по моим дорогам.

Гримас тогда, сплюнув на ладонь, гордо пригладил старый засаленный плащ и как бы мимоходом бросил:

– Ишь какой чистюля выискался! Давно ли мамка тебя, здорового лба, из трактирного хлева выкапывала и домой на карачках волокла?

Начальник стражи побагровел, как забытый на грядке помидор, и выхватил дубинку:

– Что ты брешешь, уродец, не было такого!

– Как же не было? – приговаривал Гримас, наступая на него медленно, по шажочку. – Как же не было? А сундук с деньгами, который она велела своей сестре передать, тоже не припомнишь? Где сейчас твоя тетка, под каким забором? Ты глаза не таращи, я все знаю. Твоя матушка сама мне нынче рассказала.

– Нынче! – огрызнулся начальник, но опустил дубинку и отступил в сторону. – Она уж год как почила. Полоумный!

После того случая Гримаса не трогали. Конечно, его боялись, обсуждали, проклинали, даже грозились спустить собак. Но все как-то издалека, из-под забора. Говорящий с мертвыми – не слишком приятный сосед. К тому же, у покойников не то что язык без костей – кости без языка, они все знают, все припомнят. Клеймо «полоумный», конечно, прикрывало не слишком красивую правду. Только вот правда – штука большая и бесформенная, как ее ни прячь, все равно вылезет каким-то углом. Поэтому после каждого слова Гримаса, после каждого намека или язвительного плевка по улицам расползались слухи.

А те, кто в земле, и вправду говорили с ним. Жаловались, поддевали, просили. Души, застрявшие между мирами, хотели вырваться из заточения, но Гримаса они мало интересовали. Он не умел испытывать жалость и презирал беспомощных. Каждый раз он приходил лишь к одному из них, скрученному цепями и придавленному черным курганом. Гримас прозвал его Тот, Что Под Холмом. Никто не знал, что

он здесь похоронен. Волшебники, когда-то одолевшие его, прожили долгую жизнь, состарились и освободились от земной шелухи. А Тот, Что Под Холмом остался. Вечерами Гримас шел сюда, зная, что его ждут. Начиналась игра, тонкая и опасная. Тот умело испытывал его, проникал в разум и сердце, задавал вопросы и иногда позволял спрашивать себя. Зачем? Пожалуй, от скуки – больной стареющий человек не годился для других целей. Сам Гримас же устал насмехаться и ненавидеть, он хотел восхищаться, пусть даже сквозь страх.

...Вечер, как обычно, принес опустошение и вместе с тем радость – ту самую мимолетную радость с червоточиной, единственную, которую он знал. Тот, Что Под Холмом закончил игру и замолк; остальные глухо стонали, и их голоса сливались с криками ночных птиц. Услышав легкий топот за спиной, Гримас даже не обернулся. За ним который месяц ходил по пятам Охвостье – так он назвал сына своего брата-торговца, укатившего с караваном на восток. Охвостью было лет пять; этот ребенок оказался никому не нужен и все же отчаянно выживал и креп, как сорная трава в поле.

– Почему так много туч? – с присвистом спросил Охвостье, пропуская воздух через дырку от молочного зуба.

Гримас не ответил. Его ноздри раздувались, вбирая темные сумерки. Он просто стоял какое-то время, потом, словно очнувшись, передернул плечами и шагнул к племяннику.

– Вытащи палец изо рта, развел тут нюни.

Охвостье послушно спрятал руки за спину, но отступать

не собирался.

– Почему так много туч?

– Будет гроза.

– Ого! – Ребенок, задрвав голову, смотрел на черные облака, которые сгрудились над курганом, как пчелы над ульем. Они чуть подрагивали, словно чувствовали биение скрытого под землей сердца, и кружили, кружили, кружили...

– Там кто-то есть, – удивленно прошептал Охвостье и вновь засунул в рот обкусанный палец.

– Варрхский король, – не сразу отозвался Гримас, а потом злорадно добавил: – Его убили давным-давно. Думали, что с концами, но нет: есть те, кто всегда возвращаются. Льет дождь, дует ветер, капля по капле набирается сила.

– И скоро он встанет? – Охвостье застыл с открытым ртом, выставив дырку всему миру.

– Кто знает. – Гримас надвинул капюшон на глаза. – Хотя если тебя не сморит какая зараза и ты все-таки вырастешь, дуй отсюда на первом же корабле.

Он поднял с земли палку и, тяжело ступая, пошел в город. Охвостье привычно потрусил следом, изредка оглядываясь через плечо на тучи, что беззвучно стучались в курган.

ПИРОЖИЦА

Нильвар пришел уже затемно, осторожно снял с плеча колун и повесил его на крюк. Потом, хоть и не был голоден,

побрел на кухню. Там уже горела для него сальная свеча и что-то топорщилось под полотенцем на столе.

– А это откуда? – спросил он, отвернув ткань и увидев темный, неладно слепленный пирог.

– Это, что ли? – откликнулась из комнаты жена. – Пирог с горохом. Лейна, соседка наша, передала.

«И когда только успела», – подумал Нильвар. Вид пирога его смутил. Поверхность была рыхлая, морщинистая и с большой горкой посередке. А сбоку торчали две веточки укропа – для красоты, наверное, вот только красота эта была какая-то несуразная.

– Беда с бабой, – вздохнула Альда. Она вошла на кухню и сразу же направилась к печи, раскладывая по мискам вареное-пареное. Запахи выбивались из-под крышек и дурманили, душили. – На лицо смазлива, а что толку?

– Беда, – согласился Нильвар.

– Замуж ей давно пора, а кто возьмет? Даже кашу нормально не сварит, капусту в огороде не прополет. И кому такая бестолочь нужна?

– Никому, – подтвердил ее муж.

– Притащилась ко мне с подарочком. Угостить, говорит, хочу по-соседски. Ну, я взяла, спасибо сказала. Сначала выкинуть хотела, а потом оставить решила, чтобы ты полюбовался. Ну кто так пироги печет? Тесто пышное должно быть, мягкое, темечко гладкое. А тут – чисто рожа, ты глянь! Глаза как будто, нос картошкой, бородавки... Страх, да и только!

– И вправду страх, – сказал Нильвар. – Пойду собакам его брошу. Их, поди, рожами не напугать.

Он взял пирог и вышел во двор. Псы по-особому залаяли, почуяв хозяина, но Нильвар не сразу кинул им подачку. Какое-то время он просто стоял с пирогом, пытаясь рассмотреть его при свете луны.

«Вот плутовка моя, – снова и снова усмехался он про себя. – Ну и рожицу состряпала. Эти глаза, этот кривой рот – ну вылитая Альда. Только рога укропные – это уж перебор. Скажу ей завтра, чтоб не шутила так больше, а то мало ли...»

Нильвар щелкнул пирожицу по носу, кинул ее в собачий загон и, насвистывая, пошел доедать ужин.

СНАДОБЬЕ

– Но... я же просил вас достать для меня снадобье! – воскликнул ошарашенный лорд Альбор.

– Все верно, – невозмутимо ответил лекарь Кхан, сверкая глазами из-под берилловых стекляшек на носу. – Вот оно.

– Но... это же зверь. Грольв!

– Я заметил.

– Так что же вы меня дурачите?

– И в мыслях не было. А что, вы верите только в порошки и травы?

– Но... – Лорд Альбор беспомощно развел руками и замолчал.

Какое-то время они просто сидели и в упор смотрели друг на друга: тучный, мягкий, печальный мужчина, который потерял состояние, но сохранил фамильный перстень да благородную горбинку на носу, и сухощавый жилистый старик, обвешанный свертками и пузырьками, как орешник в первый летник день. А между ними лежала косматая громадина размером с теленка: грольв, саблезубый волк. Один клык у него был сломан, другой же, кривой и желтый, нагло торчал на манер курительной трубки. И это придавало зверю еще более устрашающий вид: он казался не просто чудовищем, но чудовищем разумным, почти очеловеченным.

– Что мне с этим делать? – наконец, спросил лорд Альбор. По его тону стало ясно, что он готов сдаться. Лекарь это понял и довольно прищурил глаза.

– Возьмите Вуго с собой, – сказал он, имея в виду волка. – Уверяю, если он вас не излечит, то не излечит никто.

– В самом деле, вряд ли я смогу тосковать о Нэлль в его желудке, – проворчал лорд, но все же дал знак своему храброму слуге надеть на грольва ошейник.

На следующее утро лорд Альбор и не вспомнил о своем снадобье. Как обычно, его утянул омут памяти. Нэлль – хрупкая смешливая красавица, приходившаяся ему женой – умерла от лихорадки год назад, и с тех пор он почти беспрерывно думал о ней. Думал и таял, расплывался, казался уже не человеком, а мягкой грудой воска. И воспоминания, как искры от удара кремня, каждый раз поджигали на нем неви-

димый фитиль.

Вот голубая беседка, где они с Нэлли отдыхали после завтрака. Ее стул, как всегда, чуть отодвинут, а со спинки свисает кружевная салфетка...

Лорд Альбор отшатнулся, увидев под этой салфеткой бурую спину Вуго. Тонкие кружева и лохматая псина – нет, это уже слишком! Хозяин дома издал досадливый возглас и поспешил прочь из сада.

– Я тут сверился с записями, – сообщил лорду Альбору его младший брат, Вальбор. – Колдуны востока используют сердце грольва для изготовления мази под названием кильзару. Якобы после втирания кровь в венах бежит медленнее и человек живет дольше. Может, это и имел в виду наш почтенный Кхан?

– Сердце? – с ужасом переспросил лорд. – Как я достану у этого монстра сердце? Пока волк ведет себя спокойно, но уверен: стоит мне тыкнуть в него кинжалом, и он сожрет меня с потрохами. Если лекарство – та самая мазь, то почему лекарь не удосужился дать ее в готовом виде?

Вальбору оставалось лишь пожать плечами.

А Вуго постепенно подбирался к комнате лорда Альбора и его покойной жены. Каждый раз, когда хозяин дома на цыпочках проходил мимо, грольв поднимал голову и почти дружелюбно направлял на него единственный клык.

– Я еще выяснил вот что, – не унимался Вальбор, изо всех сил стараясь помочь брату. – Кровь этих зверей тоже счита-

ется целебной. Может, старик хотел, чтобы ты потреблял ее, так сказать, свежей? Поэтому и вручил тебе лучший по сохранности флакон – целехонького грольва?

– Ну да, мне всего лишь нужно подойти и сказать: «Вуго, дружок! Ты не против, если я заберу у тебя немного крови?»

– Тогда что может быть снадобьем? Волчий глаз?

Лорд Альбор только покачал головой. Он был мягким не только телом, но и душой, и не мог даже представить, что будет резать живое существо на части. Тем более он почти смирился с присутствием Вуго в своем доме. В бессонные часы было даже полезно прислушиваться к спящему за дверью грольву. Оказалось, печаль с ее тонким душевным плетением наотмашь разбивалась о грубый, вполне приземленный храп, как птица о каменную стену. И в конце концов к человеку приходил блудный, затерявшийся где-то сон.

– Быть может, слюна? Вдруг она тоже эдакая, как у саблезубых тигров?

Настал вечер, когда лорд Альбор обнаружил Вуго в своей комнате. Грольв растянулся на ковре у кровати, а сама кровать пошатывалась, потому что ее ножка была изрядно погрызена. Лорд осторожно лег и притупил тоску о мерное сопение, а потом, в полусне, запустил пальцы в косматую шерсть, которая как будто уже не так отдавала псиной...

– Когти? Кости? Или зубы? Я слышал о стертых в порошок клыках...

– Хватит, Вальбор, – прервал его старший брат. – Я ничего

не хочу делать с этим существом. Я к нему как-то привык.

– Привык – к грольву? Ты б еще приручил дракона!

– Кто знает, – тихо сказал лорд Альбор. – Может, и у драконов есть душа.

В тот же день он пришел в дом Кхана и отдал ему деньги за снадобье – все пятьдесят диаров.

– Не знаю, чем именно вы собирались меня лечить, но, по-моему, я и без этого иду на поправку. Могу я оставить у себя ваше снадобье... так сказать, целиком, не вскрывая флакона?

Старик удивленно изогнул брови, из-за чего берилловые очки сползли на самый кончик носа.

– Просто так получилось, – в смущении продолжил лорд Альбор. – Иногда я гуляю с ним, иногда просто разговариваю – и тогда мне кажется, будто есть какая-то жизнь, и я не так часто думаю о Нэлли.

– Я на это рассчитывал, – удовлетворенно сказал лекарь Кхан. – Как только я вас увидел, то сразу понял: вам нужен друг. Друг, который не вздумал бы вас жалеть. Плевал бы на ваши вздохи и влажные глаза, но не отказался бы от хорошей прогулки. Человека такого найти непросто, а вот грольва – пожалуйста! Только я чего-то недопонял: у вас были насчет него другие идеи?

ДУХИ В БУТЫЛКЕ

Солнце было так низко, а котомка так пуста, что Доргас решил переступить порог, за который его не приглашали. Еще в лесу он почувствовал эту незримую стену, этот забор, кропотливо сотворенный магами старой закалки. Волшебные нити истерлись от времени и почти без боли пропустили чародея средней руки; впрочем, не для него они были созданы, не его хотели остановить. А кого же? Доргас решил не думать об этом. Ведь позади лежал лес, смертельно опасный с наступлением темноты, впереди – Драконьи скалы, а за стеной манила поляна, безмятежная и пустая. И он выбрал непонятную угрозу вместо двух вполне понятных.

Меряя землю шагами путника, который ищет ночлег, Доргас неожиданно для себя очутился у обрыва. Трава стекала под его ногами вниз, словно застывший водопад. Он ступил дальше, чтобы рассмотреть, но тут же услышал окрик: – Эй!

Доргас и вздрогнуть не успел, как голос прозвучал снова: – Эй! Не хочешь ли купить яблочко?

Он обернулся и увидел женщину в грубом плаще. Она сидела на траве за холмом, опустив ступни в лужицу пересохшей речки, а рядом накренилась корзина с фруктами.

Чародей приблизился. Яблоки выглядели хуже некуда – червивые, сморщенные, кособокие. Но он все же взял парочку за медяк, решив, что лучше не перечить. Его насторожили волосы торговки, выглядывающие из-под капюшона. Черные, с едва заметной проседью, они скручивались в причуд-

ливые упругие кольца, волосок к волоску. Он них сильно разило рыбой, но чутье Доргаса уловило еще кое-что. Силу. Приглушенную, чуть ли не затхлую силу, которая походила на вещь в запылившемся чулане.

Женщина потеряла монету между пальцев и шумно повела носом.

– А, ты из этих, – лениво бросила она. – Не бойся. Мелковат будешь.

– Где я очутился? – спросил Доргас.

– Ты слышал сказку про духа в бутылке? – вместо ответа усмехнулась торговка. – Конечно, слышал, ведь сказки живучи. Один человек вызволил этого духа, и тот обещал исполнить его желание. Но оказалось, что дух из бутылки мог сотворить либо что-то великое, либо что-то ничтожное. Он предложил своему спасителю разрушить город или построить дворец, но бедный селянин испугался такой мощи. И потому пожелал в награду деревянную пуговицу для штанов.

Доргас ничего не сказал на это. Он просто подошел к обрыву и посмотрел вниз. Там, далеко в долине, виднелись замки дивной красоты из камня, хрусталя, золотых и серебряных плит. Они стояли так близко, что едва не попирали друг друга. Над ними простирались огромные мосты и парили небесные корабли, а между башнями устремлялись ввысь гигантские статуи древних звероподобных богов. Что-то из этого рушилось от старости и тут же, прямо на глазах, возникало вновь.

Чародей сделал шаг назад. Торговка с любопытством посмотрела на него.

– Сама я устала от этой помпы, – заявила она. – Решила совершенствоваться на яблоках. Такого славного урожая у меня еще не было!

Указав на корзину, женщина хрипло рассмеялась и замутила ногами воду в лужице. Но вдруг ее глаза сузились.

– А ты, малыш, ступай отсюда, – медленно произнесла она. – Тебе не место в этой бутылке. Поверь, драконы в скалах – просто котята по сравнению с некоторыми из нас.

Доргас кивнул и молча направился к незримой стене. Внутри томилось желание еще раз глянуть с обрыва на бесполезную красоту, на бессильное величие, на магию, от которой сжимается сердце. Но он пересилил себя: судьбу раздражает любопытство. Чародей дошел до Драконьих скал и ни разу не обернулся.

Он нашел ночлег в одинокой пещере, но до самого рассвета не сомкнул глаз. Положив под голову котомку с яблоками, Доргас неспешно, словно бусины на нити, перебирал в памяти почти забытые сказки матери.

ОГАРОК

– Ты только не переживай из-за этого, – спокойно сказала она. А потом добавила: – Хочешь, я зажгу свечку?

Она провела маленькой ладонью над фитилем, и тот заго-

релся. Фаральд замер. Он знал, что времени у него немного: какая там свеча, один огарок. Зыбкий свет облизнул стены, позеленевшие от сырости, и притаился на плечах девушки, ее скулах и волосах. Можно было всю жизнь стоять и смотреть на нее – настолько она была красива. В памяти сразу всплывали медовые поляны, залитые солнцем, и пьянящее горное разнотравье – картины почти забытого детства. Да, лишь тогда Фаральд вспоминал, что он и в самом деле когда-то был ребенком. Она это знала и потому улыбалась ему всем телом, посылала тепло, которое не доходило от свечи. Но дрема разрушалась, когда его взгляд съезжал с ее плеча на внутреннюю сторону локтя, а потом утыкался в грубое тяжелое железо. Как-то она сказала, что в следующей жизни, наверное, будет ненавидеть любые браслеты.

– Не думай об этом, слышишь? Я не боюсь огня. Я люблю огонь. Говорят, есть такие края, где много солнц на небе. Они садятся не сразу, а постепенно, и вся жизнь проходит в закатах и рассветах. Быть может, я попаду именно туда.

– Мне так хочется... – глухо начал Фаральд.

Но его окликнули:

– Господин!

Огонек сжался и исчез. Стены вновь получили свою темноту.

– Господин начальник тюрьмы, вас просят. Новых привели!

Фаральд развернулся и зашагал по ступенькам вверх.

Звуки шагов вернули его душу в тело, в собственную темницу, откуда был лишь один выход – как и у всех в этих холодных норах. Стражник передал ему факел и кивнул в сторону решетки, за которой только что погасла свеча:

– Завтра, наконец, мы разделаемся с этой ведьмой. Вот уж будет на что посмотреть!

– Завтра я как раз уеду, – бесстрастно произнес Фаральд. – Милорд вызывает.

И его рука нарочито тронула бумажный уголок, торчащий из-под жилета, хоть на самом деле это было письмо домой, которое он не решался отослать уже третий год.

СОВЕРШЕННО ЛИШНЕЕ

Росинка с детства готовила себя к роли хозяйки постоянного двора и потому твердо знала три правила: наливай пиво так, чтобы пена возвышалась на два пальца, будь всегда вежлива с гостями и ничему не удивляйся. Поэтому она с улыбкой выслушивала бесконечные шутки старого судьи, которые начинались одинаково: «Встретились как-то тролль, дракон и некромант...» Старик рассказывал и хохотал, запрокидывая голову, а девушка тем временем наполняла его кружку, придвигала ближе перченые оладьи и смахивала крошки. В конце концов, наступал момент, когда судья вдруг замолкал, будто вспоминал что-то важное, вставал из-за стола и медленно, вразвалку, уходил. Росинка сразу же откры-

вала окна, протираала пол и относила кружку в специально отведенный шкаф: можно было, конечно, и выбросить, но ведь так посуды не напасешься. Помня последнее правило, она делала это быстро, ловко и беззаботно, но однажды все-таки спросила отца:

– Может, скажем ему?

– Что скажем? – Голова хозяина двора, Куцей Бороды, на мгновение вынырнула из-за ряда горшков и бутылей на стойке. – Кому?

– Господину судье. Мне кажется, это уже становится неприличным. От него так пахнет, и к тому же его глаз – не стеклянный, второй – уже почти совсем... Может, скажем, наконец, ему, что он умер?

– Зачем? – пожал плечами Куцая Борода. – Он тут никого не трогает, никому не мешает, постояльцы привыкли. А что до запаха – стоит нашему кузнецу ботинки снять, как про мертвечину тут же забудут. Не нужно говорить, не расстраивай старика. Я на его месте, узнав такое, порядком бы огорчился!

Хозяин выхватил у повара поднос с жарким и сунул его в руки сонному подавальщику.

– К тому же, – вполголоса продолжил он, – судья исправно платит за свое вино. Где он деньги берет – ума не приложу, а впрочем, не наше с тобой это дело.

Росинка кивнула, взяла в каждую руку по три полных кружки и направилась к мельнику с сыновьями, попутно от-

метив, что скатерть на дальнем столике можно и не менять – все равно не найдется других желающих коротать там вечер.

ВСЕ-ТАКИ СЕМЬЯ

Обычно ловчий Ольво Клык говорил, что его бабке сто три года, а шрамы ей достались от одного незадачливого вора – незадачливого потому, что дед сразу его прикончил. На самом же деле Ольво не знал, откуда у старой Олиссы четыре бледных полосы на шее, клеймо немоты. Он лишь смутно припоминал, что деда-то никакого не было, а как его мать появилась на свет – оставалось загадкой.

Долгожители поговаривали, что в молодости Олисса промышляла колдовством, и Клык охотно этому верил. Как же иначе она присвоила себе грифоний голос? Всем известно, что грифон не умнее курицы, и если он повторяет за человеком слова, то без всякого осознания, как попугай. Но грифон бабки был не такой. Вальяжный и разжиревший, он служил лишь для одной цели: когда старуха касалась его рукой, зверь начинал говорить. Лающими, отрывистыми фразами. Он вещал о погоде или ворчливо осведомлялся, когда принесут ужин. Называл Ольво внучком и жаловался на правое бедро. Иногда и вовсе голосил: «Эля! Налей мне полную кружку эля!» Клык послушно спускался в погреб, Олисса проводила его горящими зелеными, а грифон – пустыми черными глазами.

Ольво не то чтобы любил полубезумную старуху, которая однажды заявила в его дом и заняла лучшее место у камина. Но выставить ее вон не смел. Была какая-то власть в ее сжатых губах, в скрюченных пальцах с острыми костяшками. Впрочем, Олисса не сильно ему мешала. Разве что по ночам она разговаривала во сне: каркала своим грифоном о каких-то дальних морях и кораблях. Тогда Клык тихонько пробирался в ее спальню и завязывал клюв зверя платком. Ему было и смешно и стыдно, и он представлял, какой хохот подняли бы другие охотники, завидев его с тряпкой в руке. Но жутко хотелось спать по ночам, и Ольво говорил себе, что «все-таки семья», а еще вспоминал фразу матери: мужчина бессилён против истинной ведьмы. И это была правда, хоть он припоминал, что когда-то толковал те слова иначе.

ТАК БЫЛО НУЖНО

Пушок, наверное, не подозревал, что является самым известным конем в Седых тропках. Притом что он был всего-навсего пони. В то время как городок гудел о залитой кровью конюшне и боялся Черного Рыцаря, копытный друг стоял живехоньким у меня в сарае и посмеивался. Но мне было совсем не смешно.

Ведь я знала правду. Может ли простая, безыскусная правда быть печальнее всего?

Пока люди шептались по углам, не выпускали из виду де-

тей и запирали на ночь двери, я ждала Ринн. И она пришла. Постучалась с наступлением темноты – понимала, что я не испугаюсь и открою.

– Хватит, – с порога заявила она. – Я заберу его обратно. Мирра сучает, все время плачет. Не могу, не могу!

– И как ты ей объяснишь? – спросила я.

Ринн сверкнула покрасневшими глазами.

– А что тут объяснять? У нее будет готов ответ: Черный Рыцарь пожалел девочку и оживил ее лошадку.

– Лучше бы ты сказала дочери, что ее отец погиб в бою. Или уплыл за товаром на корабле и попал в шторм. Она бы поверила. Такая ложь благородна.

– Не хочу быть благородной, – сухо рассмеялась Ринн. – Разве я давала обет на святом алтаре, как ты? Нет, я не собиралась делать из ее папаши хорошего человека. С чего это вдруг? В один прекрасный день он просто укатил на повозке к одной из своих глупых жен – потом я узнала, что у него в каждом городе по жене. Я хотела, чтобы Мирра ненавидела его, понимаешь? Так же сильно, как я. Поэтому сказала ей: твой отец был плохим. Он натворил столько зла, что был превращен в Черного Рыцаря. И теперь его удел – страшить и убивать. Мирра проглотила вранье, но... не перестала ждать. «Папа бедный, папа одинокий, никто его не любит! Когда-нибудь он вспомнит о своей малышке и придет». Я разозлилась не на шутку – а дальше ты знаешь. Привела Пушка к тебе, а стойло вымазала куриной кровью. Может,

нужно было на самом деле прикончить конягу? Нет, рука бы не поднялась. Мирра плакала, как она плакала! И – простила.

– Ринн, – перебила я, – ей всего-то семь лет...

– Не смей меня осуждать! – Она произнесла это почти механически, словно привыкла повторять про себя. – Все вы примерны со стороны и милосердны из-за угла. А теперь давай мне эту клятую лошадь. Мерзавец опять победил – даже забавно, он всегда получал все, что хотел.

Я вывела Пушка из сарая. Пони радостно фыркнул и тут же укусил хозяйку за карман: мол, нет ли яблочка? Ринн схватила его за повод и поволокла домой. Я же прочитала молитву перед тем, как лечь спать. Обычно после хвалы небесам я чувствовала себя праведной и спокойной, но сегодня постель казалась мне грязной, и я всю ночь не сомкнула глаз.

ВЫ ПРОСТО НЕ ПОЙМЕТЕ

– Я не могу с тобой разговаривать, – устало сказал служитель Оргольд. – Я хочу тебе помочь, а ты ведешь себя, как мальчишка.

Человек по ту сторону стола хмыкнул.

– Лорд хочет знать, как ты открыл эту дверь. Над замком работали два придворных мага, его невозможно было взломать!

– Но я же взломал, – с усмешкой возразил человек.

– Чем же?

– Вот этим. – Он кинул на стол причудливое ожерелье дикаря: ключи, щипцы, изогнутые спицы, медные булавки и прочая дребедень болтались на железном кольце.

Оргольд откинулся на спинку кресла.

– Невозможно, – выдохнул он. – Ты разыгрываешь меня, безголовый кретин. Я ведь от бастиона пытаюсь тебя спасти – ты понимаешь, что такое бастион? Это не тюрьма и не ка-торга, там тебе быстро завяжут в узел все, что болтается, и заставят пахать от зари до зари. Убери свои игрушки и скажи, наконец, правду!

– Как вам угодно. – Человек за столом слегка придвинулся и заглянул в глаза служителю. – Правда в том, что я иногда спрашиваю себя: эй, а эти люди здесь – живые? Такое чувство, что вы лежите в деревянном ящике, забитом наглухо. У вас всегда есть предел, черта. Чуть поднимитесь – бах о крышку – нельзя! Чуть повернетесь – бух о стенку – невозможно! Только вам невдомек, что бывают моменты, когда просто нужно что-то сделать. Так нужно, что сводит кишки и больно дышать, и тогда побоку ваша магия и железные стены. В тот миг можно голыми руками задушить дракона или открыть гвоздем волшебный замок – просто потому, что иначе никак, выбора нет. Угрожайте мне бастионом, сколько влезет. Но он мне не светит – разве что тюрьма. Я ведь не вор и ничего не взял. И не собирался брать.

– Кто тебе поверит? – помолчав, спросил служитель Оргольд.

– Например, вы.

– Хорошо. Тогда скажи мне, бес тебя возьми, зачем ты пробрался в крепость лорда, обойдя три линии охраны и магический запрет? Что ты забыл в старой комнате?

Человек повел плечом, достал из-за пазухи трубку и попытался набить табак связанными руками.

– Быть может, сейчас я буду объяснять азбуку коню, но я всего лишь хотел заглянуть в медальон над камином. Там портрет его дочери – может, вы знаете, она умерла девять лет назад. Вчера я проснулся и не смог вспомнить, на какой щеке у нее была родинка: на правой или на левой. Мне просто нужно было посмотреть.

СВАТОВСТВО

Одним весенним днем, когда почки уже набухли и лужи подсохли, Вильго из дома Готара-каменотеса не пошел на ярмарку, а направился напрямиком к Анисе из дома Хальдора-судьи. В его руках был чуть помятый букет белоцветников (которые неосторожно появились первыми в лесу), а на шляпе – новое гусиное перо. Лицо же перекосила такая обреченная и вместе с тем довольная ухмылка, что и дурак мог понять: Вильго идет свататься.

Аниса жила в старой каменной усадьбе, одна-одинешень-

ка после смерти отца. В бедной деревеньке эта усадьба казалась дворцом, и, конечно, ее стены были словно медом намазаны для окрестных женихов. Но при этом, как ни странно, дочь судьи оставалась в девках. Причем, по слухам, сама она никому не отказывала, просто молодые люди вдруг начинали воротить от нее нос.

– Это девица только издали ничего, а вблизи – ну просто страх, – пытались отговорить Вильго его приятели, уже побывавшие в старой усадьбе.

– Ну, с лица воду не пить, умела бы пироги печь, – отвечал парень. – А не умеет – и того лучше. Пусть сидит в уголочке и помалкивает. С домом я сам разберусь.

– Не такой уж он и большой, дом этот, – не отступали те.

– Скажете тоже, не большой! Давеча южную стену мерил, прикидывал – пятьдесят шагов, не меньше! Крыша крепкая, окна чистой слюды – чем не хороша невеста?

– Да не женишься ты на ней.

– Еще как женюсь! – фыркнул Вильго и вырвал лучшее перо из гусяного зада.

«Врут они все, – думал он. – Говорят, что не захотели в жены брать, а она-то, небось, сама им от ворот поворот дала. Стыдно признаться, вот и брешут. Но мне Аниса не откажет! Я даже у нашего мясника-скупердя баранью ногу за полцены взял, неужто девчонку не уломаю?»

Погруженный в свои мысли, Вильго и не заметил, как приблизился к старой усадьбе. Ворота оказались незапертыми,

двери – тоже. Парень вошел в просторный зал и огляделся. Высокий потолок, добротная мебель. Правда, нет порядка: там и сям лежат книги, с кресла свисают ленты для вышивки, на столе надкусанное яблоко... в общем, не хватает твердой мужской руки.

«Да, – сказал себе Вильго, еще раз обежав все глазами. – Все как надо. Подойдет».

– Проходите же сюда! – донесся звонкий голосок из дальней комнаты.

Увидев хозяйку дома, парень вздохнул с облегчением. Вблизи она была вовсе не страшна, а напротив, вполне себе миловидна. Синие глаза, ровный носик, две светлые, наспех скрученные косицы. Аниса улыбнулась гостю и указала на обитый бархатом стул.

Вильго присел на краешек и протянул девушке букет белоцветников. Его бравада улетучилась – все же здесь была не лавка мясника.

– Я тут пришел... – неуклюже начал он, теребя перо на шляпе.

– Да? – с готовностью отозвалась Аниса.

– Просто вдруг подумалось...

– Да-да? – вновь подбодрила его хозяйка.

– Подумалось, что такой... э... красивой и достойной... э... особе, наверное, нелегко справляться с таким большим... в смысле, нелегко жить совсем одной...

Внезапно Вильго захлопнул рот так резко, что клацнули

зубы. Рассматривая обстановку во время своей проникновенной речи, он вдруг уперся взглядом в темный дверной проем смежной комнаты. Оттуда на него смотрели два красных глаза.

– О, – напомнила о себе Аниса. – Продолжайте!

Парень ощутил невидимые гвозди на своем стуле и беспокойно заерзал.

– Да, совершенно одной. Знаете, как пень...

Мысленно Вильго прикинул расстояние от пола до горящих глаз. Нечто, таящееся в комнате, было выше человеческого роста.

– Какой пень? – удивилась девушка.

– Я хотел сказать, как перст. Да, как перст. В болоте...

Из тени показалось зеленоватое щупальце, словно из глубокой лесной топи. Оно медленно потянулось к стулу Вильго, потом остановилось, изогнулось и вновь спряталось за порогом. Аниса следила за остекленевшим взглядом своего гостя, но как будто ничего не видела.

– Не поняла, – озадаченно произнесла она. – Что – в болоте?

Парень вздрогнул.

– В болоте нынче клюква поспела, – быстро сказал он.

– Весной?

– Я как раз шел ее собирать. Вам... вам прислать корзину?

– Буду признательна. Так все-таки о чем вы хотели мне сообщить?

– Так о корзине и хотел. Разрешите... я пойду?

– Идите. – Аниса недоуменно пожала плечами. – Может, все-таки яблочного вина?

Но Вильго уже не было в комнате. Забыв раскланяться, он выскочил во двор, крепко затворил за собой калитку и быстро зашагал по проселочной дороге.

«Ну, друзья, – подумал парень, когда уже чуток успокоился. – Не могли предупредить. Не могли сказать мне... что у нее такая бородавка на носу!»

Он хотел поправить перо на шляпе, но пера там не оказалось. Оно осталось лежать на бархатном стуле. Аниса подняла его двумя пальцами и выбросила в окошко. Потом со вздохом облегчения распустила волосы, швырнула ленту в угол и выбрала самое большое яблоко.

– Может, все-таки признаться, что я вовсе не хочу замуж? – вслух подумала она, прислонившись к двери. – Но ведь не поверят. Выставят дурочкой и в конце концов выселят. Пусть ходят, что уж там. Правда?

Темноту комнаты прорезал длинный раздвоенный язык и осторожно взял яблоко с хозяйкиной ладони.

ПО КРУГУ

Когда почтенные Рум и Лита из Виллы-на-обочине собирались в Город, то готовились к этому так же тщательно, как к праздничному ужину на двадцать персон. Ведь никто

не знал, чем обернется поездка: они могли сделать покупки и вернуться в тот же день, а могли застрять там на неделю-другую. Все из-за Города – он был лакомым кусочком для окрестных враждующих кланов и с боем переходил то в одни, то в другие руки. Флаги поднимались и опускались, обивка на кресле градоначальника от постоянной смены веса и формы истерлась до дыр. Это длилось столько лет, что медные таблички со старыми названиями улиц не переплавлялись, а аккуратно снимали и прятали – в целях экономии: рано или поздно проигравший клан вернется и сделает все по-прежнему. А сам город сменил столько имен, что для верности его стали величать просто Городом.

Местные жители уже привыкли к постоянным войнам – благо что войны эти носили весьма мягкий характер: не было ни кровопролития, ни грабежей, ни поджогов. Люди просто занимались своими делами, понимая, что в некоторые дни лучше посидеть дома, иначе очередные завоеватели в запале могут сбить с ног и перевернуть повозки. Единственным неудобством было то, что Город почти всегда находился в осаде: иногда считанные часы, а порой – не меньше месяца. Припасов у прозорливых горожан всегда хватало, но жилось тесновато: ни выйти по грибы, ни навестить тетушку с дальней деревни...

– А может, не поедем? – в который раз робко спросил почтенный Рум.

– Скажешь тоже, – отрезала его жена. – Моя нижняя юбка

похожа на решето, а малышу нужны сапожки. Где ты здесь видел сапожника? Живем, как в пустыне, в деревнях один сброд, только в Городе и можно найти что-то приличное!

– Ну что ж, – сдался отец семейства, – Кривые Мечи захватили власть всего четыре дня назад. Не могут же они так быстро все профукать...

– Тем более, мы все предусмотрели. Янта, милая, ты подготовила голубей? Помнишь, что нужно сделать?

– Да, – хмуро отозвалась старшая дочь.

– Ну-ка, повтори.

– Если вы не вернетесь к утру, следует послать голубя на постоянный двор «Золотая ложка». Тогда вы напишете указания мяснику и молочнику. Старому Тоби, если он плохо взобьёт масло, заплатить на монету меньше. Смотреть, чтобы няня не спускалась в погреб за вином и не разрешала Лю-тему ходить на речку. Остальное – по ситуации.

– Умница. – Лита наклонилась, чтобы поцеловать девочку, но та отстранилась, и губы скользнули по ее волосам. Янта не терпела нежностей: она считала себя взрослой с тех пор, как впервые пробила стрелой ветреницу на крыше. С такого расстояния в цель мог попасть только воин, а воина не щиплют за подбородок и не целуют в обе щеки.

Всего через какой-то час сборов и распоряжений извозчик щелкнул кнутом, и хозяйева Виллы-на-обочине скрылись за холмом. Янта бросила ключ от погреба на стол: она не собиралась за всем этим следить. Немного подумав, девочка

достала из шкафа походную сумку, но потом спрятала ее обратно. Наверное, в следующий раз – сейчас у нее слишком мало стрел. В следующий раз она соберется и уйдет за лес. Туда, где есть другие люди и города, где время не бежит по кругу, сжимая удавкой, где люди не играют то в семью, то в войну. Туда, где есть какая-то жизнь. По крайней мере, так хотелось в это верить.

В ОДИН КОНЕЦ

Альдис держалась в седле очень прямо, а повод придерживала едва-едва: лошадь сама знала, куда идти. Верховые окружали ее кольцом. Слуги ехали на почтительном расстоянии от своей госпожи, но по мере того, как они продвигались в Соколюю рощу, кольцо все сжималось.

– Ваша Светлость, не хотите ли отдохнуть?

– Нет, – ответила Альдис. – Еще рано.

Дозорный всадник склонил голову, мол, как вам угодно. Женщина улыбнулась. Сколько верности у него во взгляде, сколько обожания в глазах! Но все это – умело сотканная маска. На одежде этих людей герб королевы, а под одеждой – острые кинжалы, один из которых перережет ей горло. И не когда-нибудь, а сегодня. Сейчас. Всего через какую-то сотню шагов.

«А этим глупцам и невдомек, что я догадалась, – подумала Альдис. – Вот, они уже нервничают. Подают друг другу знаки

– якобы незаметно. Напекают, что пора».

– В самый раз сделать остановку за тем деревом, у ручья, – сказала она, чтобы выиграть время.

Маска дозорного дрогнула, расплылась. Очередной поклон не скрыл усмешку, но королева продолжала хранить безмятежный вид.

Спешившись, она подошла к ручью, умыла руки и лицо. Потом выпрямилась и посмотрела на своих охранников. Люди в одеждах королевской стражи уже сбросили личину верных слуг и выстроились в линию, как на плацу. Затем они шагнули к женщине, и линия превратилась в полукруг.

Альдис переступила через ручей, словно тонкая полоска воды могла защитить ее, и попятилась назад. Стража двинулась за ней. Дозорный обнажил кинжал, медленно, вызывающе. Он вглядывался в лицо той, которую еще мгновение назад называл госпожой, в лицо этого смазливового лесного отродья, окружившего чарами их короля. Вглядывался и ждал момента, когда в ее глазах мелькнет осознание: дорога закончится здесь.

Королева смотрела на него и ждала того же.

В ее руке была зажата ветка дерева, словно игрушечный меч. Среди слуг раздался хохот, и они подступили ближе.

– Красные листья! – вдруг охнул один из них.

Смех тут же оборвался. На ветке, что держала Альдис, действительно были листья багрового цвета – и это в конце весны! Что могло означать лишь одно...

– Фарлингес! – прокричал дозорный. – Эта ведьма одурманила нас и завела в проклятый лес. К лошадям, быстро!

Тяжелая ветка хлестнула его по лицу, и он выронил кинжал. Стражи кинулись врассыпную, их вопли смешались с завыванием ветра. Кое-кто догадался, что спасение по ту сторону ручья, но время было упущено: цепкие заросли хватали людей, скручивали им шеи, ломали позвонки. Альдис не отводила взгляд. Она знала, что убийцы тоже смотрели бы на ее агонию. Когда крики стихли, женщина подошла к тому, в ком еще теплилась жизнь. Дозорный висел над ее головой, из раны на его груди струилась кровь и торчали листья.

– Твои хозяева добились своего, – произнесла она. – Ведьма больше не появится в замке. Она вернулась домой, в Красный лес.

Послышался последний хрип; ветер в кронах затих. Альдис кинула в ручей корону и направилась в самую чашу, и багровые ветви бесшумно расступились перед ней.

ПЕРО ФЕНИКСА

– Нет-нет, это не продается! – Лавочник замахал руками, ненароком сбросив на пол кипу пожелтевших свитков. – Вещица заурядная, но дорога мне как память. Есть нечто весьма похожее, гляньте вон туда. Кстати, не желаете ли послушать историю о самом странном моем заказе? Все равно на улице льет как из ведра...

В общем, дело было годика три назад. В то утро я вел беседы со своим Птахом. Я подобрал его больным птенцом в лесу, выходил и в итоге получил на редкость неприглядное создание: серое, встопорщенное, с жалкой метелкой вместо хвоста. Кроме того, глупая птица то ли не могла определить-ся, к какому виду себя отнести, то ли напрочь это позабыла. Время от времени Птах выдавал:

– Карр! Каррр!..

И я уже решал было, что он ворон, но за этим следовало:

– Чик-чирик! Чик, чик...

– Птах, – учил я его, – ты уж выбери себе что-то одно.

Не то залетит к тебе женушка-соловушка, а ты ее своими «каррами» до птичьей икоты доведешь...

...Ох, простите, что-то я отвлекся. Так вот. В то утро, когда я наставлял своего Птаха, ко мне зашел один человек. По виду сразу было ясно: покупатель не ахти. Одежка бедная, сапоги прохудились. Я только собрался спросить: «Чем могу помочь?», как он с разбегу:

– Мне нужно перо феникса.

– Ха, – ответил я, – а больше ничего не желаете? Голову тролля на блюде или драконье сердце в золотой оправе?

Он подошел ко мне ближе, и я заметил, что его глаза блестят, как у больного.

– Нет, вы не поняли, я не требую настоящее перо. Мне нужна вещь, которая его заменит.

– Подделка? – уточнил я.

– Да, подделка. Не нужно сильного сходства – пусть только светится, будто полыхает пламенем. Я заплачу, сколько скажете.

Я подумал немного, потом сказал:

– Допустим, такую штуку я достану. Только кто в нее поверит?

Мой посетитель вздохнул и тихо произнес:

– Ребенок.

Наверное, я тогда уж слишком пристально на него глянул. Нет, вы не подумайте, я никогда не сую нос в дела своих покупателей. Но все же любопытно, согласитесь: зачем устраивать такой маскарад для сопливой мелюзги, которой конфету дай – и уже счастье?

Человек поймал мой взгляд и вспыхнул. Потом снял с себя грубые перчатки, кинул их на прилавок и показал свои руки. Пальцы были черными, словно обугленными. Меня аж мороз до костей пробрал – моровая гниль!

– Я умираю, – спокойно сказал он. – Но не хочу, чтобы моя маленькая дочь это понимала. Она и так уже потеряла мать. Я скрывал от нее, как мог, но она все-таки увидела мои руки и испугалась. Пришлось сказать ей, что я – тайный летописец и записываю вехи истории не чем-нибудь, а пером феникса. Поэтому и обгорают мои пальцы, но боли я не чувствую. Конечно, моя малышка пришла в восторг и захотела увидеть это перо. С каждым отказом она все больше обижалась и все меньше верила... Вот почему мне нужна такая

странная подделка.

Мне не следовало спрашивать, но я все-таки спросил:

– А потом?

– Потом, когда мне станет совсем худо, ее заберет тетка.

Но пока что...

Я кивнул, назвал цену – меньшую, чем для кого-либо еще.

Человек поблагодарил, вновь натянул перчатки и ушел.

Тем же вечером я навестил знакомого, умелого фокусника, и раздобыл у него склянку жидкого огня. Белое перо, почти с локоть длиной, подобрал в местном грифоннике. Выкрасил его вишневым соком, жидкий огонь перелил в длинную чернильницу, потом отложил все это в сторону и занялся своей привычной работой.

В назначенный час я снял вывеску «Лавка древностей и чудес» и подготовил стол с пером и чернильницей. Мой покупатель не заставил себя ждать. Он вошел, держа за руку худенькую большеглазую девочку лет пяти. Она с любопытством и затаенным страхом озиралась по сторонам.

– Тювить-тювить-тить-тить! – залился соловьем мой глупый Птах.

Я шикнул на него и с почтением произнес:

– Здравствуйте, господин летописец! Желаете сегодня поработать? – И указал на стол.

Глаза человека чуть увлажнились, а девочка заулыбалась.

– Нет, благодарю, – ответил он. – Я просто хочу показать дочери перо феникса, которым пишу свои лучшие страницы.

Она давно меня просит.

– Минуточку, сейчас я его подготовлю.

Я взял перо, хорошенько распушил его и скосил глаза на чернильницу. Мой покупатель кивнул. Он снял перчатки, обнажив сухие угольные пальцы, осторожно окунул перо до самого очина и не без дрожи достал.

Мою лавчонку озарил свет – старый чародей знал свое дело! Жидкий огонь стал плясать по измазанному вишней опалуху, вспыхивать то красным, то рыжим, то золотым. Малышка ахнула и захлопала в ладоши, а отец прижал ее к себе. И вдруг...

Вдруг раздалась громкая переливчатая трель, которую я никогда не слышал ни от одной птицы. Потом я долго подбирал слова, чтобы объяснить... Словно раскат грома, шум океана, вздох леса, стон ветра в скалах, отзвук древнего, утраченного нами мира сошлись в одном звуке. И все это издал мой Птах! Он уставился сверкающими глазками на огненное перо и неожиданно вспыхнул сам – ну что ваш факел! Его клетка распахнулась, и Птах пронесся над моей головой, потом на мгновение сел на руки оторопевшему мужчине, выхватил клювом перо и стремглав вылетел в окно.

– О-о, – только и сказал мой бедный покупатель, тяжело рухнув на стул.

– Это был феникс, папа! – радовалась девочка. – Настоящий феникс, ты видел? Папа, папочка! Посмотри на свои пальцы!

Ее отец послушно поднес к лицу руки – и можете мне поверить: они были белые, чистые, исцеленные. А у меня в голове крутилась лишь одна мысль: «Он вспомнил... все-таки вспомнил!»

Но вслух я не стал ничего объяснять, да мои гости и не спрашивали.

Что? Тот человек? Он бросил ремесло рогожника и выучился кое-каким наукам. Сказал, что увидел во всем знак свыше. Сейчас он и вправду летописец, только довольствуется гусиными перьями. А девчушка растет красавицей – уж не знаю, чья в этом заслуга: родной матери или феникса, что задел ее крылом...

Такая вот история, сударь. Поэтому клетку эту я вам продать не могу. Я даже копоть с нее не стирал. Она всегда тут висит, у окна. Звучит глупо, но я скучаю по своему Птаху и порой думаю: вдруг вернется, чем небеса не шутят... Ну, а раз дождь никак не заканчивается, может, присмотрите себе какой-нибудь зонтик?

КЛЕЙМО

– Каково тебе быть вечно юным? – спросила она.

– Не знаю, – честно ответил я. – Семьдесят лет – слишком малый срок, чтобы это понять.

Она отвела взгляд, и я тут же пожалел о своих словах. Опрометчиво, да, но я так давно не разговаривал с простыми

людьми. А люди многое не понимают, они смотрят на мир через узкую щель и трогают мечту только кончиками пальцев. В мыслях тут же отпечатался Тэйен, словно я видел его вчера. Я не собирался ей о нем рассказывать: все-таки в нашем мире – мире магии и застывшего времени – есть такие вещи, которыми не стоит делиться. Но она так тщательно прикрывала ладонью морщинистые губы и прятала под платком волосы, что я не смог сдержаться.

– Послушай, – сказал я, – в тот самый первый год я очень скучал. По родителям, по тебе. Мне стали безразличны и школа, и мой глупый Дар, и то, что я уже не деревенский фокусник, а вроде как волшебник. Как только закончилась зима, я решил бежать, но меня отговорил мой сосед, парень по имени Тэйен. Вернее, поначалу я считал его парнем, а на деле ему оказалось больше четырехсот лет. Тэйену не особо давалась магия, он просто был смышленным полукровкой: его предками были фейлы или кто-то из золи. Все его родные умерли, дом разрушили в одну из войн. Он сказал мне: будь здесь, в этих стенах. За ними ты будешь ходить по осколкам и костям. Люди – как срезанные цветы: ты можешь поставить их в хрустальную вазу и каждый час менять воду. Но вскоре сморщится один лепесток, потом упадет второй... Лица начнут меняться все чаще и чаще, и в конце концов это разноцветье начнет вызывать такую боль, что тебе не меньше воздуха нужны будут одни и те же глаза, одни и те же голова рядом. Поэтому волшебники и живут в своем Эсмонде, а

некроманты – в Киресе. Не от гордыни, а от безысходности.

Я поверил и остался, а потом тоска начала отпускать. Мы с ним виделись не так уж часто: я постигал азы магии, а Тэйен служил на побегушках у главы нашего ордена. Старый волшебник обещал ему за службу то, что мой друг жаждал более всего: смерть. Видишь ли, маг не может убить себя – тогда он не шагнет в Вечность, а возродится на земле, вновь попадет в этот круговорот. И собрату боязно поднять на него руку, даже во благо: можно навлечь на себя проклятье. Глава ордена говорил, что создал заклинание под названием Клеймо – с его помощью можно умереть без насилия над собой, тихо закончить долгий путь, отпущенный тебе природой. Тэйен хотел получить это Клеймо. Он был юным и бессмертным, но просто не умел жить вечно. Он ненавидел Эсмонд и существовал в нем, как рыбка в стеклянном сосуде: снаружи – боль, внутри – беспросветная тоска.

Так прошли годы – по правде говоря, я их не считал. У меня все шло обыденно: чем больше я погружался в магию, тем меньше понимал ее. А вот Тэйен выслужил свое Клеймо. Оно светилось у него под кожей, словно вшитый пузырек с ядом, который должен был лопнуть, как только Тэйену исполнится полтысячи лет. Волшебники стали обходить моего друга стороной: говорили, что все это пахнет некромантией. Зато глава ордена был чрезвычайно горд. Он говорил, что Клеймо – не просто заклинание, это начало новой магической эры, эры Выбора. Впрочем, многие думали, что ста-

рик уже давно выжил из ума.

А Тэйен перестал мучиться и начал считать. Он вел отсчет до своего пятисотлетия с какой-то одержимостью. Я окончил школу, начал разъезжать и совсем перестал его видеть, но знал, что каждый год он рисует число на стене старого храма – развалинах, в которых мы частенько прятались от всех, чтобы поговорить и помолчать. Я порой приходил туда и смотрел: шестьдесят три, шестьдесят два, шестьдесят один. Старый глава ордена умер, так и не узнав, чем все закончится. А я знал. Сорок девять, тридцать шесть, двадцать четыре, пятнадцать, восемь...

Мой голос сорвался, и я, прежде чем продолжить, промочил пересохшее горло вином.

– Два года назад я пришел к той стене и увидел единицу. Тогда я хотел разыскать Тэйена, поговорить с ним, хотя бы попрощаться. Но я нигде не смог его найти. На следующий год я снова приехал туда и понял, что на развалины давно никто не приходил: цифра выцвела и заросла мхом. Я спешил, заглянул лишь мимоходом и решил для себя, что в другой раз – когда будет время провести здесь маленькую вечность – я принесу сюда срезанные цветы, которых ему уже не нужно бояться.

– И ты вернулся? – спросила она, отняв руки от лица и положив их рядом с моими.

Я посмотрел на свою подругу детства и вдруг понял, что ничего не изменилось. Сквозь пленку желтоватой кожи я от-

четливо видел ее веснушки и румянец, который сиял так же нежно, как в тот день, когда мы впервые поцеловались у забора за ветвями плакучей ивы. Придет время, и кто-то сдернет с нее эту пленку, одним рывком, и она войдет в новый мир, юная и беззаботная. А меня в тот миг не будет рядом, и я не приду к ней еще много, много лет.

– Да, вернулся, этой весной. Я пришел к стене с цветами и увидел, что единица зачеркнута, а над ней всего два слова – «он ошибался».

РЕШЕНИЕ

Вайра сказала, что это совсем не больно и что она сама много раз так делала – просто ледяная вспышка в животе и привкус горечи во рту, вот и все. Лейса заучила слова подружки и всю дорогу повторяла их про себя, потом ее дыхание сбилось, и она только бормотала: «Лед – горечь – вот и все, лед – горечь – вот и все...»

Конечно, ей было страшно, но что толку теперь бояться? Она не ребенок и прекрасно знала, чем заканчиваются подобные истории, к тому же Эвин ничего ей не обещал. Тогда – месяц назад или больше – Лейса сама не успела толком понять, а Вайра уже догадалась. И шепнула на задворках, что необязательно отдавать все деньги лекарю – это кровь, боль и его щербатые усмешки на людях: «Я, мол, кое-что о тебе знаю». А Те, в Железных горах, просто заберут и ничего не

скажут. Плоти у них нет, надо же им как-то пополнять свои ряды.

Лейса долго не решалась, трусила. Но время шло, фартук топорщился, а хозяева стали подозрительно коситься. Если бы не осень, если бы не приближающиеся холода... а впрочем, к чему об этом думать? Лед – горечь – вот и все...

Дойдя до развилки у первой насыпи, она остановилась и тяжело опустилась на землю. Вайра уверяла, что не нужно ничего делать и говорить, Те сами все почувствуют, поймут. Просто лежать и не смотреть. Но Лейса не смогла заставить себя закрыть глаза: воображение рисовало таких чудищ, что легче было видеть, чем представлять.

Сумерки сгушались, но никто не появлялся; девушка замерзла. Она чувствовала себя мелкой, не больше букашки, и ей казалось, что на нее вот-вот наступит чья-то огромная пята. Ноги свело судорогой от холода, и Лейса, повернувшись на бок, обхватила руками колени.

В то же мгновение она поняла, что Те уже здесь.

Ее словно окутал туман, не зыбкий, а плотный и давящий. Стало трудно дышать. Лейса еще крепче прижала колени к груди, совсем свернулась в калачик, но не посмела зажмуриться. И наконец, она увидела Тех. Их лица вынырнули из тумана: полупрозрачные, с острыми чертами и рваными, как паутина, волосами. Они не были чудовищами. Они походили на людей, и этим не вызывали страх, но вселяли ужас.

Те медленно окружали Лейсу. От них не веяло угрозой,

они скорее походили на нищих, столпившихся вокруг забытого кем-то кошелька. Веки девушки потяжелели, и она почти опустила их (лед – горечь – вот и все), но вдруг заметила, что среди Тех есть дети. И один из них – мальчишка лет пяти, с большими и раскосыми, как у Вайры, глазами.

Это словно стегнуло ее кнутом. Лейса вскочила и ринулась сквозь туман, сквозь дымчатые фигуры. Она думала, что ей не позволят, что ее схватят и втащат обратно. Но туман порвался, как тонкая занавесь, и только послышались глухие горестные вопли. А девушка бежала, не оглядываясь. Она путалась в юбках, размазывала по лицу слезы и думала, что никогда не сможет этого сделать – уж как-нибудь выкрутится, прокормит. Потому что пугала, почти душила мысль, что где-то в Железных горах будет разгуливать призрак с ее рыжими ресницами и смешливыми губами Эвина. Сердце ухало и выпрыгивало из груди, но вот горная тропа перешла в деревенскую, и стали видны огоньки в окнах.

Тепло – привкус соли – нет, еще не все.

ПРЕДЕЛ

Золотоглазый вернулся за полночь. Едва он вошел в палатку, то сразу отстегнул нож от пояса, тот самый кривой нож со спрутом на рукояти, и бросил его на землю со словами:

– Он уходит.

Сидящая в углу гидра тут же повернула к нему обе голо-

вы. В приглушенном свете этих дюжих близнецов и вправду можно было принять за двуглавое чудовище: «гидрой» их прозвали уже давно. Они всегда держались друг друга, и их движения настолько срослись, что, казалось, принадлежали одному существу.

– Что значит – уходишь? Это еще куда?

Все в лагере уже привыкли, что странный смуглый новобранец называл себя «он» и говорил ровным, бесстрастным тоном, словно переводил с чужого языка чью-то волю. Золотоглазый слегка пожал плечами – как можно быть непонятым с первого раза? – и повторил:

– Он уходит.

– Разбежался, – дуэтом хмыкнула гидра, выставив квадратные подбородки. – Не может ассасин взять и уйти без позволения Ворона.

– Если кто-то хочет, пусть его остановит, – спокойно сказал Золотоглазый.

Такой ответ не воодушевил гидру. Она беспокожно зашевелилась и сделала редчайшую вещь: распалась на двух отдельных людей.

– Эй, приятель, – примирительно сказал один. – Ну, ты чего? Есть же договор...

– Он не договаривался на кровь, – отрезал ассасин.

– Вот это в глаз копытом! – присвистнул второй. – Еще вчера ты прикончил того напыщенного мага, а днем ранее шлепнул не кого-нибудь, а наместника короля! Разве у них

из брюха вино хлестало? Чего тебя теперь-то накрыло?

– Пока он служит, он всегда делает то, что ему велют, – чуть прищурившись, произнес Золотоглазый и запахнул плащ. – Ему сказали убить того, кто пронес письмо через стену. Он нашел. Это была собака. Ответное письмо пришло с ней. Он сделал. Но он больше не служит. Он договаривался на грязь, но не договаривался на кровь.

Его зрачки желтой искрой сверкнули из-под темных, почти черных век, и ассасин вышел из палатки. Ночь тут же приняла человека в свое полотно, словно его старый плащ был последним недостающим стежком.

– Чокнутый, – почти хором сказали братья и вновь уселись рядом, превратившись в двухголовое чудовище, которое начало точить коготь – а может быть, нож.

СОКРОВИЩЕ

Пит никогда не рассказывал родителям о том, что почти каждый день пробирается через ущелье в подземный город. Что толку говорить, если все окрестные мальчишки так делают, с позволения или без. И когда-то их отцы ходили туда в детстве, и даже некоторые из матерей. Конечно, заброшенный город не так уж безопасен: провалы, острые камни, ловушки с ядовитыми газами. Но разве это имеет значение, если где-то там может лежать золото наргьев? Легендарный зорафин, металл невероятной ковкости и красоты – одного

кусочка хватит, чтобы стать королем!

Подумав о сокровище, мальчик зажмурился от удовольствия. Его Величество благородный Пит, властитель подземного царства! Он сразу купил бы себе трон с ножками в виде тигриных лап и драконьими хвостами вместо подлокотников. Вообще, это была любимая игра местной ребятни: мечтать о том, что каждый из них купит, если вдруг найдет зорафин. По вечерам они садились на плетне у старого колодца и, болтая грязными босыми ногами, начинали хвастаться будущим богатством и осыпать друг друга воображаемыми подарками.

– Пит, Вирк, Сол, Нут! – раздался голос из дома. – Чтоб до захода солнца были дома, иначе выдеру от пяток до ушей!

– Да, мама! – прокричали братья в четыре глотки, хотя не собирались возвращаться до поздней ночи.

У самого ущелья их ждали Даг и Ларк. Все дети в деревушке носили короткие имена – неудивительно: в каждом доме по десять-двенадцать ртов. С длинными именами пока дозовешься всех к обеду, так и ужинать пора. Правда, на южном склоне жили сестры Нельга и Сильвейллен, но их родители пришли из-за Леса и мало общались с остальными.

– Ну? – спросил Даг. – Сумки починили? Тогда пошли. Разделяемся, как обычно, у скалы-рогатины. Только на этот раз мы с Ларком пойдем чуть севернее, Вирк с Солом пусть возьмут на себя развалины дворца, а ты, Пит, бери Нута и исследуй лаз у гнилой стены.

– Не хочу-у идти с ни-им, – тут же захныкал Нут, самый младший из братьев, которому едва исполнилось шесть. – Он постоя-янно мне ука-азывает: не ходи туда-а, не ходи сю-да-а...

– Я ж о тебе пекусь, мелюзга, – огрызнулся Пит. – А впро-чем, иди куда хочешь, не маленький. Я в твоём возрасте уже добирался до черных столбов – и, между прочим, сам!

Нут надулся и задрал измазанный глиной нос.

– Если что найдете, – напомнил Даг, – сделайте вот так. – Он приложил руки ко рту и прокричал горной птицей. Эхо тут же подхватило его голос и разнесло по окрестностям.

– А теперь вперед, и смотреть в оба! Дисы сокровищ не оставят нас!

– Не оставят нас! – подхватили клич ребята, хоть и не зна-ли, есть ли такие дисы. Впрочем, почему бы им не быть?

Они пробрались через ущелье и оказались в подземном городе – некогда величественном королевстве, брошенном, разграбленном, разрушенном. Ходили легенды, что жители этого города сотни, а то и тысячи лет назад пошли войной на наргьев – древний волшебный народ с синей кожей. Верну-лись с богатой добычей и тем самым навлекли на себя несча-стье. Подземный город, названия которого никто не помнил, опустел: его обитатели то ли погибли, то ли ушли из-за го-лода и болезней. Осталось лишь до боли одинокое величие камней... и, возможно, нетронутые клады в забытых тайни-ках.

У скалы-рогадины мальчишки, как и условились, разбились на пары. Нут сначала поплелся с Питом, но как только показалась гнилая стена, демонстративно пошел в другую сторону. Старший брат махнул рукой – дескать, дело твое – и направился к лазу в одиночку.

Идти было скользко, приходилось хвататься за камни. Но чем ближе становилась цель, тем отчаяннее вставал выбор: либо держаться обеими руками, либо зажимать нос, потому что от огромной гладкой плиты исходил тошнотворный запах. Вся стена была покрыта темной слизью, там копошились черви – да, она с лихвой оправдывала свое название.

Пит опустился на четвереньки, и ему чуть полегчало.

«Ох уж этот Даг, цапни тролль его за задницу, – подумал он. – Сам-то он пошел бы сюда, как же! Заприметил для себя дворцовый тайничок, только никому не говорит. Хорошо, что хоть Нута нет с его вечным нытьем. Пойде-ем отсю-юда, здесь пло-охо па-ахнет, хнык-хнык!»

Нехитрый завтрак – ломоть хлеба и яйцо – грозился вырваться во внешний мир. «Нет уж, сиди там, где тебе положено, – мысленно приговаривал Пит. – Только тебя среди этой дряни еще не хватало». Мальчик, наконец, забрался в лаз. Руки скользили, штаны пропитались слизью насквозь. Там уже были чьи-то следы и ошметки бересты из факела, но лишь в самом начале. Кто-то уже пытался проникнуть сюда – и не смог. Это подхлестнуло Пита, которого едва не выворачивало наизнанку. Кто-то не смог, а он сможет! Исследует

этот ход впервые за много лет, а может, и вовсе – первым... Давай, вперед, еще шажочек. Фу, какая гадость! Ну ничего, ты же не Даг и не Нут. Давай. Давай.

Мальчик полз вперед, а лаз становился все уже, и в какой-то момент ему стало страшно: вдруг он застрянет здесь навсегда? И никто его не найдет, потому что все такие нежные и брезгливые. А потом, через сотни лет, когда слизь засохнет и отвалится, искатель сокровищ вроде него тоже надумает залезть сюда и наткнется на его кости... бр-р-р! За красочными размышлениями Пит и не заметил, как уперся плечом в хлипкую перегородку, инстинктивно протолкнулся и заскользил в черную дыру.

Ударился он не больно – видимо, упал с малой высоты. Кругом была крошечная тьма и затхлый запах, но нестерпимая вонь исчезла. Мальчик пошарил руками: только грязь и холодные камни. Тогда он достал из сумки плотно завернутый в тряпицу факел, пару саламантов и высек огонь.

Свет на мгновение ослепил его. Когда глаза привыкли, Пит понял, что находится в каменной нише – не больше каморки над крышей, где спят его братья. Ниша была пустой, с гладкими влажными стенами, и только в углу стояла фигура, покрытая толстым слоем слизи.

«Скелет!» – чуть не выкрикнул Пит. Его передернуло, обдало острым удушающим холодом. Так вот что это за лаз! Ход в древнюю тюрьму, а может быть, склеп!

Мальчик попятился к выходу, но не ушел. В конце концов,

и он, и его друзья тайком пробирались в подземный город чуть ли не с пеленок, но никогда ничего не находили. Ничегошеньки, разве что мусор, брошенный такими же искателями. Даже узоры на каменных стенах и столбах были сколоты задолго до их рождения. И вот, наконец, *что-то*. Пусть даже кости. Незадачливого воришки? Подземного жителя? Или... нарга?

Пит сделал глубокий вдох, подошел к фигуре и стер слизь с ее лица.

На него уставились сиреневые глаза.

Мальчик с воплем отскочил и едва не выронил факел. Но потом все понял. Это был не скелет, а статуя. Яркая статуя девушки, покрытая дорогой эмалью – такую эмаль Пит мельком видел на ярмарке в лотках для богачей: простым детям запрещалось даже близко туда подходить. Только эти глаза были куда искуснее тех украшений и блюд, они смотрели почти как живые.

Осмелев, мальчик стал вытирать грязь с ее волос, шеи, плеч, всего тела. У девушки оказалась светло-синяя кожа, ослепительно белые, не потемневшие со временем волосы и такого же цвета брови и ресницы. Каждая ресничка была сделана так тонко и аккуратно, словно могла трепетать на ветру. Изящные руки с длинными пальцами были сложены на груди. В глазах плясали глубокие лиловые искорки.

Пит подумал, что, несмотря на такую странную кожу, такие непонятные волосы, он никогда не видел ничего пре-

краснее. Казалось, со всех окрестных земель собрали по цветку, по ягоде, по росинке, вырыли из недр драгоценные камни, поймали синеву волн и белизну облаков и заключили в этой статуе. Грудь мальчика распирало от восторга и вместе с тем больно сжимало. Ну и как ему после этого жить в деревне? Как он сможет теперь смотреть на лужи, мокрую солому на крышах, старые повозки, обветренную кожу матери? Пит был далеко не глуп и понимал, что пути назад нет. Он выйдет из подземного города чуть сумасшедшим, как его дядюшка Урль – бедный рисовальщик, который мог позволить себе купить краски только двух цветов.

Внезапно мальчик разглядел, что лоб девушки украшает узор: четыре крупинки над каждой бровью, соединенные тонкой нарисованной линией. Желтые крупинки с розовым отливом, такие гладкие и блестящие, что Пит узнал этот металл, хоть никогда в жизни его не видел.

Зорафин! То самое золото наргьев! И он нашел его – он, Пит, старший сын каменотеса!

Мысль обожгла его душу и быстро вернула на землю. Всего кусочек зорафина – и ты король! Король на троне с ножками в виде тигриных лап и драконьими хвостами вместо подлокотников. А здесь их целых восемь! Хватит и на отца с матерью, и на сестер, и на братьев, и даже на Нута, хоть он, собственно говоря, и монеты не заслужил. Да что там, хватит на всю деревню! Рука Пита потянулась к лицу статуи, и тут он вновь испугался. А вдруг здесь скрыто проклятие? Он

возьмет золото, а эта наргья оживет и убьет его?

Но рука уже сделала свое дело. Пальцы отковыряли крупинку зорафина и стиснули ее в кулаке. Девушка не шелохнулась. Она по-прежнему смотрела на мальчика сиренево-лиловыми глазами, в которых не было осуждения – только мудрость и безмятежность. И она была так красива, что внутри все переворачивалось. Как после этого станешь прежним, если у тебя под кожей все спуталось и смешалось – даже дышится по-другому?

Пит посмотрел на крупинку на своей ладони, которая, как оказалось, имела форму звезды с множеством лучей. Потом на статую. На ее лице не хватало этой золотой точки. Он разрушил маленькое мироздание. Он ранил красоту.

Очень медленно мальчик приложил бесценную частичку обратно, и она приросла к лицу девушки, словно ее вовсе не трогали. Потом Пит придвинулся к статуе близко-близко и смотрел на нее, пока факел не начал гаснуть. Тогда он зачерпнул полную ладонь вонючей слизи и вновь вымазал ею наргью, ее волосы, глаза, зорафиновые звезды над бровями.

– Так лучше, – прошептал он. – И тебе, и мне – так лучше.

Огонь на факеле сжался до точки и пропал. Мальчик на ощупь отыскал лаз. Странно, он уже почти не чувствовал вонючки – то ли привык, то ли спрятал ее под кучей своих мыслей.

Когда Пит выбрался, перемазанный до корней волос, то услышал приглушенное всхлипывание. Недалеко от гнилой стены сидел Нут. Увидев брата, он подскочил.

– Ну где-е ты хо-одишь? Я тут заме-ерз!

Пит хотел сказать колкость, но промолчал и только жестом позвал за собой.

У скалы-рогатины их уже ждали остальные, грязные и уставшие, но не растерявшие желания попробовать еще, и еще, и еще.

– Эй, ну и видок у тебя! – присвистнул Даг, потом повел носом и поморщился. – А несет-то, как из хлева! Есть что-нибудь?

– Нет, – ответил Пит. Он произнес это слово, как надо: четко, чуть устало, без малейшей запинки.

– А у тебя, Нут?

– Там сидел пау-ук...

– Тьфу ты, пропасть. Ну ничего. Завтра уже двинемся к черным столбам. Нужно взять молоток и зубило, и сумки побольше. А теперь наверх, не копаемся – солнце как пить дать уже зашло. Бедные наши уши!

Искатели устремились наверх и вскоре попали в теплые объятия летней ночи, хотя дома их ждал совсем другой прием. Пит кивнул на прощание друзьям, потом сказал братьям, что сбегает на речку – отмыться и сполоснуть одежду. Но чем дальше он отходил от деревни, тем медленнее становились его шаги. Наконец, мальчик остановился, лег прямо в траву и стал смотреть на небо. Звезды казались низкими и яркими; они то мерцали золотисто-розовым цветом, то обочивались лиловыми точками, почти сливаясь с небом.

Пит почувствовал гулкие удары внутри. Он зажмурился и положил руку на грудь с правой стороны – ведь невозможно, чтобы его сердце теперь находилось там, где положено. Но под ладонью была тишина. Значит, все-таки слева. С закрытыми глазами мальчик постарался вернуться в утро, к себе прежнему. Попытался поймать жажду охотника за сокровищем, представить королевский трон, вообразить всеобщее восхищение. И не смог – все успокоилось. Блуждая по скрытым под кожей тропинкам, Пит вдруг наткнулся на простую правду: он ведь уже нашел сокровище. Теперь все будет по-другому. Как? Наверное, он поймет это завтра.

Ладонь все-таки может ошибаться.

ЭХО

Лотта-Ру делала вид, что поглощена плетением корзины из все еще мягких ивовых прутьев; на самом деле она украдкой разглядывала тетушку. Конечно, Эльнур постарела, но неудивительно – ведь дело шло к зиме. Эта женщина каким-то непостижимым образом была связана с Белыми горами: даже ее морщины напоминали горные рельефы, а когда поздней осенью на вершинах выпадал снег, по волосам тетки тоже расползалась седина. Но весной все менялось, как по волшебству: морщины разглаживались, словно покрывались лилейным туманом; седая корка на волосах таяла, уступая место червонному золоту. И тогда Эльнур становилась

совсем молодой – почти такой же, как ее племянница. Почему так происходило? В их семье это никогда не обсуждалось, даже при жизни дяди. Лет до двенадцати Лотта-Ру думала, что все женщины такие, и ждала, как она сама вот-вот начнет меняться вместе с порой года. Но потом оказалось, что Эльнур – это Эльнур, она другая, а у остальных после зимы никогда не наступает весна.

После смерти дядюшки Лотрида Лотта-Ру не гостила в горном домике два года. Она знала: тетя не особо ее любит и вряд ли когда-нибудь пригласит. Тем более на такую прорву времени – с листьяпада до соковниц, как раньше. Письмо от Эльнур, полное холодной вежливости, застало девушку врасплох; она долго думала, стоит ли ехать или приличнее будет отказаться. Но в низине были угарные болота и тяжелая работа на господской кухне, и кроме того, собирались ударить колючие безжалостные морозы. А в Белых горах, вопреки всем домыслам, царили уют и тепло – нет, наверное, не во всех горах, а только на этой поляне, словно кто-то накрыл дом дяди и тети незримым колпаком.

За раздумьями Лотта-Ру заметила, что Эльнур тоже кидает на нее взгляды, но не быстрые, а пристальные, тянущие, потом вздыхает и вновь возвращается к своим ягодам. Девушка почувствовала, что должна спросить. Все-таки должна.

– Тетушка, зачем вы меня позвали? Вы же не хотели, верно?

– Не хотела, – глухо отозвалась та. Она не умела прикидываться, юлить. – Но это все горы – они меня наказывают. Когда я ушла от них к Лотриду, с меня как будто взяли обещание: любить людей, раз уж я их выбрала. Но я не желала любить их всех, только одного. Мне не нужны были остальные. А теперь Лотрида нет, и я забываю его голос, представляешь? Пытаюсь удержать в памяти, но он утекает, как вода между пальцев. Поэтому я позвала тебя обратно, Лотта-Ру. Дядя всегда пел тебе ту колыбельную про лунного странника, даже когда ты выросла, каждый вечер. И когда я смотрю на тебя, то вспоминаю, как он поет. Словно ты – его эхо. Да, горы это умеют...

Эльнур переложила последние ягоды синими листьями, название которых не знали даже бывалые охотники и зельеведы, и плотно накрыла горшок крышкой, замуравав там терпкую пряность последних теплых дней.

– Вот теперь, – объявила она, – на самом деле пришла зима.

*Толкование отдельных ниточек,
которые могут цепляться за пальцы,
или, другим словом,*

ПРИМЕЧАНИЯ

Грифон – хищный зверь с львиным телом и орлиной головой. Встречаются дикие и домашние разновидности. До-

машинные грифоны имеют интересную особенность: они могут повторять отдельные человеческие слова, особенно если в них есть рычащие звуки.

Дисы, или Высшие, – бессмертные создания, которых в Эрминтии почитают как богов.

Дракоэльф – в эрминтийских сказках – волшебное существо, друг эльфов. Выглядит как маленький, с человеческую ладонь, дракончик с ажурными крыльями стрекозы. Большинство эрминтийцев не верит в их существование, но с другой стороны, кто знает, какие чудеса таятся в чаще Древнего Волшебного леса?

Йуны – народ, приплывший в Эрминтию из-за Океана. Первые переселенцы долго скитались по землям нового края, пока не осели в болотных землях, за что и получили прозвище «болотники». Уже через полвека почти утратили знания о жизни за Океаном, своих предках, землях, правителях. (Посему и возникла поговорка «память как у йуна» – то есть, необычайно короткая.) Летописи об их прошлом были утеряны. Теперь йуны известны как хорошие следопыты, охотники и ремесленники, но среди них никогда не рождаются маги.

Миралингес (в переводе «волшебный лес», также известен как Чаролес или просто Лес) – часть древнего леса, когда-то покрывавшего всю землю. Сейчас – пристанище всевозможных волшебных существ и оттого самое чудесное и опасное место в Эрминтии.

Негуины – человекоподобная раса, которая, однако, не относится к людям. Не агрессивны, но держатся в стороне от остальных рас. Отличаются очень большими раскосыми глазами ярких оттенков, заостренными ушами и бледной, холодной на ощупь кожей. Существуют легенды, что негуины появились раньше людей и обладают познаниями в древней, почти утраченной магии. Какое-то время пробовали жить рядом с людьми, но из-за гонений были вынуждены уйти в леса и необитаемые земли.

Соломенные дикари – небольшая народность, существовавшая на заре основания Эрминтии. «Соломенными» их прозвали из-за длинных, часто спутанных светлых волос. Эти люди отличались мягким, податливым характером; они не были способны к сложным ремеслам и наукам и вели в основном кочевую жизнь. Соломенные дикари часто попадали в рабство или черное услужение: работники из них получались не очень искусные, но зато они никогда не пытались бежать. С лица земли они постепенно исчезли, но остались в пословицах о простоте и безропотности.

Фейлы (нимфы) – духи, воплощения стихийных сил, хранители гор, лесов, болот и источников. Живут так долго, что представляются людям бессмертными. Подобных созданий также называют эоли, что значит «долгоживущие».

Фарлингес (в переводе «красный лес») – место обитания чародеев и ведьм, живущих по своему уставу, не подчиняющихся гильдиям белой или черной магии. Их чары окраши-

вают листья деревьев и кустарников в багровый цвет – своеобразное обозначение границ. Разумеется, обычные путники стараются обходить Фарлингес стороной (и не просто стороной, а за много миль).

Шерхат – крупный хищник, помесь волка и медведя. Считается, что шерхаты были созданы в древности одним колдуном для охраны замка; потомки тех магических происков разбрелись по лесам и одичали.

Ядозуб – бескрылый драконообразный ящер, «младший драконий брат». Размером с крупную собаку, покрыт плотной зеленоватой чешуей. В его пасти расположены ядовитые зубы, как у дальних сородичей, змей. Каким-то образом ядозубы позволили себя приручить еще в незапамятные времена, и с тех пор служат человеку, охраняя его дом и уголья не хуже сторожевых псов. Отличаются слепой преданностью тому, кого изберут своим хозяином. Остальным лучше держаться от ядозуба подальше – впрочем, остальные и так это знают.